

Кросс НА 700 КИЛОМЕТРОВ

Инна Тренина

Лето 2002-го года. В поселке Комарово под Санкт-Петербургом, в детском оздоровительном лагере убиты вожатая и ди-джеи. Свидетелями преступления случайно оказываются другая вожатая Алиса Янина и ее восьмилетний воспитанник Денис Оленников. Только они знают, что убийство — дело рук бандитов, мстивших за шантаж и вымогательство.

Алиса дала правдивые показания и тем самым поставила себя под удар, так как следователь Суслопарова, беседовавшая с ней, оказалась связана с группировкой Евгения Зеньковича по кличке Академик. Главарь приказал, во что бы то ни стало, уничтожить свидетелей.

В первую же ночь после признания Алиса едва не погибла при пожаре. Поняв, что оставаться в лагере опасно даже для мальчика, не говоря уже о ней самой, Алиса вместе с Денисом покидает лагерь и тайно пробирается в Петербург, чтобы оттуда выехать в Москву.

Тем временем вожатую обвиняют в похищении ребенка и объявляют в розыск. На всем протяжении пути из Петербурга в Москву, растянувшегося почти на месяц, за девушкой и мальчиком неотступно следуют люди Академика и фактически работающие на них милиционеры.

Все-таки беглецы добираются до Москвы.

Сотрудница столичного филиала частного сыскного агентства Оксана Бабенко и ее шеф Андрей Озирский — последняя надежда Алисы и Дениса. Но погоня продолжается. И в Москве разыгрывается очередной, наиболее масштабный и кровавый акт трагедии, начавшейся за 700 километров от столицы, на берегу Финского залива...

Инна Трoнина

Кросс на 700 километров

Глава 1

— Ну и пусть! Пускай остаётся без меня, раз я ей не нужен! Со своим Юрием Ивановичем... Я ей надоел... Ей не хочется ко мне приехать, а я ночью вижу её во сне... А потом весь день реву, как придурок!.. А от валерьянки уже тошнит! Я домой хочу, ну, почему мне нельзя? Обещала после первой смены забрать, а сама наврала... Всё про новый рюкзак говорила, что покажет сразу, когда приедем!

Денис со злостью оторвал прицепившуюся к его красной футболке ветку берёзы и увидел, что руки его в смоле и грязи. Сначала он хотел забраться на сосну, но не сумел, и выбрал росшую неподалёку берёзу. Перед тем, как схватиться за ствол, он долго сидел на траве, почёсывая исцарапанные колени. Бейсболка, надетая по лагерной моде козырьком назад, съехала на макушку. В уголках глаз Дениса, забавно опущенных и суженных, блестели злые слёзы.

Он, несмотря на неполные восемь лет, знал, что красный цвет наиболее модный в этом сезоне. И что носить всё красное могут позволить себе

лишь сильные, уверенные люди без нервов. Потому и попросил мать, когда она приезжала ещё в первую смену, закупить ему побольше красного — футболок, шортов, кепок. Денис люто ненавидел своё нежное розовое личико, голубые глаза с длинными ресницами, льняные мягкие волосы, которые он пожелал остричь под ноль.

Воспалённые от слёз веки, раздутый нос и горестно изогнутые губы, безусловно, не добавляли героизма облику Дениса Оленникова. Но, к счастью, никто его сейчас не видел. Только сидела на той самой сосне ворона и с интересом наблюдала за одиноким маленьким человечком.

Денис оглянулся и увидел другую — на ветке серебристого тополя. Деревья здесь росли вперемешку — сосны, берёзы и тополя уж точно в лесу никто специально не сажал. Сейчас деревья колыхались под жарким ветром, и вороны явно были этим довольны — как будто оказались на качелях. Время от времени они принимались чистить перья мощными клювами, почёсывались ногами и вопросительно смотрели на Дениса своими умными блестящими глазами.

— Вам только очков не хватает!

Денис вспомнил, как к его деду, когда тот ещё был жив, ходил в гости пожилой музыкант, очень похожий на ворону. Он играл то ли на скрипке, то ли виолончели, и мама одно время загорелась идеей

пристроить Дениса к нему в ученики. Но это было давно, ещё до того, как она собралась замуж.

— Наверное, самец.

Денис, показав язык той вороне, что сидела на сосне. Потом вспомнил, как во время недавней прогулки по лесу вожатая их отряда Алиса строго-настрого запретила называть вороном самца серой вороны. А ведь это постоянно делали и ребята, и вожатые, и даже сам директор лагеря.

Алиса Янина училась в Герценовском университете, хотела стать учительницей биологии, и потому много знала про птиц и зверей. Про жуков и бабочек, кстати, тоже. И вообще, Алиса была классная девчонка, и здорово, что именно она всё лето оставалась на отряде «Чебурашка», никуда не уезжала. Лишь бы на третью смену никого вместо себя не привела, а то попадётся мымра какая-нибудь, и совсем хреново станет. Хотя... Ведь ему-то уже всё равно. Ну, тормоз, совсем забыл, зачем пришёл сюда!

Сидя верхом на нижнем, самом толстом берёзовом суку, Денис вспоминал, как ему удалось утром стянуть у завхоза приличный кусок тонкой, но прочной верёвки. Спрятавшись в уборной, где, на счастье, как раз никого не было, он обмотал верёвку вокруг живота и прикрыл футболкой. Так и проходил полдня, даже купаться не стал, чтобы не раздеваться. И в тихий час полез под одеяло

одетый. Зато не пришлось долго возиться; он только надел сандалии и на цыпочках подкрался к окну. Прутья решётки мальчишки давно уже разогнули, и потому пролезть во двор, а после юркнуть в кусты Денису удалось за пять минут.

Перед тем, как вскарабкаться на дерево, Денис размотал верёвку, которая упала к его ногам узкой стальной змейкой, поглубже нахлобучил бейсболку и принялся за дело.

Кончался июль, и в лесу уже не пели птицы. Было пыльно, жарко и тоскливо, несмотря на пронзительный солнечный свет и приятный запах разогретой сосновой смолки. Это лето выдалось почти тропическим, и даже редкие натужные грозы не приносили облегчения и прохлады. Напротив, жара делалась влажной, густой и липкой. Даже вечером, на линейке, трудно было дышать. И вожатые торопились закончить мероприятия как можно скорее.

Они разрешали всем воспитанникам, даже самым младшим, допоздна плескаться в заливе и купались сами, потому что в перегретых солнцем палатах до утра было не заснуть. Забывались и дети, и взрослые только под утро, и потому на отдых оставалось всего два-три часа. А потом в тревожные спутанные сны врывается звук горна — трубили ненавистную побудку. И всё начиналось по новой — умывание, зарядка, построение,

завтрак, игры, работы по хозяйству. Дни казались бесконечными, как это дымное от горящих лесов, знойное, пронзительно-светлое лето.

— Я ей говорил, что третью смену не выдержу и умру...

Денис пытался представить свою молодую красивую мать, а перед глазами почему-то возникало круглое багровое лицо завхоза Полины Фёдоровны.

Если она раньше времени заметит, что верёвка обрезана, то обязательно побежит жаловаться. Сперва, конечно, Алисе Яниной, а потом — Никите, заведующему воспитательной частью. Может, и до директора дойдёт, она уже обещала. Но это ещё ничего. Выгонят из лагеря, и маме придётся его забрать. Но вот если к психологине Марии Константиновне по прозвищу Маркона опять отведут...

Тогда всё, лучше повеситься. Начнёт воспитывать с завтрака до обеда, только на тихий час отпустит. Взрослых, типа, надо уважать, маму любить безумно и не мешать её женскому счастью. Что такое женское счастье, Мария Константиновна мальчику не объяснила, но потребовала принять всё как данность, которую нельзя изменить.

А теперь Денис мстительно и в то же время удовлетворённо улыбался. Его уже точно никуда не вызовут и ругать больше не будут. Он твёрдо

решил не мешать своей маме и её такому великому счастью.

Если мать нашла себе мужа, он уйдёт к отцу. Папа там, где небо, где облака и звёзды, думал Денис. И замирал от счастья, представляя себе эту встречу. Отца своего он не знал, видел только на фотографии, да и то в газете, потому что общих снимков у них с мамой не было.

Денис и в Питере, и здесь, в лагере, доставал снимок. И подолгу смотрел на совершенно чужого и в то же время невероятно родного человека в форме капитана первого ранга, так похожего на него. Одними губами шептал ласковые и горькие слова, рассказывая папе о своих невзгодах. И теперь понял, что не сможет больше оставаться здесь, среди равнодушных людей, пусть даже они живые. Но ведь и ТАМ, где теперь находится душа его отца, тоже что-то происходит. Наверное, папа в раю, и Денис тоже попадёт в рай, потому что он маленький и безгрешный...

Газета была сейчас с ним, в кармане шорт, и Денис погладил её сквозь ткань. Папа большой, сильный, весёлый. Он всё поймёт. Даже если заругает сначала, потом они помирятся.

Вчера Алиса сказала, что ему придётся остаться в лагере на третью, последнюю смену. Значит, и на день рождения не заберут, хоть мама и обещала. Всё про рюкзак рассказывала, мечтала,

как Дениска осенью с ним в школу пойдёт. Юрий привёз, наверное, подлизаться хотел.

Рюкзака такого ни у кого во всей школе не будет — он с катафатами, то есть со специальными светящимися полосками, чтобы машина в темноте не сбила. Ещё с контейнером для завтраков, с кучей карманов внутри и снаружи. Мама про какую-то специальную спинку говорила — против сколиоза. А то врачиха сказала, что Дениска сильно сутулится, может заболеть позвоночник. Лучше бы отсюда забрала, потому что на фиг ему теперь этот рюкзак, и мешок фирменный для «сменки», и все другие подарки! У них, наверное, другой ребёнок будет, Маркона ведь говорила. Вот пусть ему и оставят...

Целое лето мама к свадьбе готовится. А свадьба будет только осенью. И что, Денис ей помешает чем-то? Он целый день во дворе; район у них зелёный, спальный, можно до ночи домой не возвращаться. А всё-таки не лагерь, и Марконы там уж точно не будет. Хотя баба Света немногим лучше, тоже шифер от неё запросто снесёт, так занудит...

Высунув язык, Денис тщательно привязал конец верёвки к суку. Другой он ещё внизу завязал петлёй. Не зная толком, как именно нужно вешаться, он старался компенсировать недостаток навыков напором воли и страсти. И, чтобы в

последнюю минуту не отступить, живо воображал свой печальный праздник — в длинном деревянном корпусе, среди высоченных сосен, на берегу Финского залива.

Шаткие кровати с воющими сетками, тумбочки в облупившейся краске, ползающие по полочкам тараканы. Изрезанные ножиками перила и стены, жуткая синяя краска, которую очень уж любила Полина Фёдоровна, нагоняли тоску и заставляли чувствовать себя узником колонии для малолетних преступников. Об этом говорили даже старшие, а Денис слышал и втайне с ними соглашался. Кормили, правда, хорошо, давали фрукты и йогурты.

Поэтому Маркона всегда заводила одну и ту же песню:

— А вот мама о тебе заботится! За каждую смену по пять тысяч рублей платит! Чтобы ты отдыхал, набирался здоровья и сил. А ты всё скулишь, всё ноешь! Мешаешь самому родному на земле человеку жить полноценной жизнью! Думаешь только себе, бессовестный эгоист! Подумай о том, что твоя мама — молодая, очаровательная женщина. Ей всего двадцать семь лет. Вся жизнь впереди! Умница, красавица! Неужели, кроме тебя, у неё не должно быть никаких интересов, никаких привязанностей?! Ты просто обязан ради счастья матери перебороть свои

амбиции. Принести их в жертву любви! Смириться с тем, что теперь у тебя будет новый папа, и придётся маму с ним делить. Отныне она станет жить не только для тебя одного. Вполне возможно, что у тебя скоро появятся братик или сестричка. И ты переживёшь ещё один приступ ревности, это уже понятно. Уясни себе одно, Денис, — ты пока не имеешь права ни указывать, ни настаивать на своём. Не мама у тебя в долгу, а ты у неё! Она дала тебе жизнь и сделала так много для твоего счастья!..

Денис не понимал значения многих сложных слов, да и не особенно-то хотел их понять. Он усёк главное — надо уйти. Надоело быть третьим лишним. Он мешает маме быть счастливой. Он должен, обязан, вынужден. А его запросто можно обманывать, обещать забрать после первой смены, после второй, а потом не выполнять обещания. Теперь вот, оказывается, и в день рождения, семнадцатого августа, в один из самых любимых праздников, он будет тут. Для мамы теперь этот день ничего не значит, а ведь совсем недавно вокруг Дениса вращался весь мир.

Тогда была жива крёстная, баба Наташа, мамина родная тётя. Дениса баловали, не отправляли с садиком на дачу и в лагерь. Возили к крёстной на Урал — в деревню, в тайгу. Баба Наташа была и маминой кокочкой. Потом её убил

маньяк — в подъезде, у лифта. У бабы Наташи остался муж — тот самый Юрий Иванович. Он на Урале в авторитете, его там все боятся. У него куча денег. Юрий Иванович сделал маме предложение, и в сентябре, после того, как исполнится год со дня смерти бабы Наташи, они поженятся.

Но у Юрия Ивановича Денис жить ни за что не хотел. Отчим будет строгий, это точно. Говорят, что может и выпороть. А если тебя до восьми лет не пороли, то будет очень больно, страшно и, главное, обидно. Лучшее уж сейчас решить проблему, как любит говорить Маркона...

Когда Денис закончил привязывать верёвку, на окрестных деревьях сидело уже шесть ворон. В другое время Денис пуганул бы их палкой или камнем, но сегодня он был занят другим. Бейсболка его зацепилась за ветки, упала вниз, на корни. Но спрыгивать и поднимать её Денис не стал — а зачем?

Психологиня беседовала с ним три раза по два часа. И твердила всё время одно и то же — о какой-то жертве. И вчера, после третьей воспитательной беседы, Денис Оленников решил принести в жертву себя самого. Он освободит маму и исчезнет. Улетит с земли туда, в космос, и будет лёгким, невидимым. Тело-то похоронят, без вопросов, а душа будет проникать сквозь стены в дома, всё видеть и слышать.

В третьем отряде девчонки духов уже не раз вызывали по ночам. И духи приходили — двигали блюдца, задували свечи. Вот бы так к девчонкам прийти! А ещё лучше — к Марконе, чтобы завизжала на весь лагерь! Духом быть интересно, не то, что строем ходить по территории. Ну, а после смены-то куда повезут? К Юрию Ивановичу — ни за что! И у бабы Светы, маминой мамы, тоска зелёная. Лицо у неё всегда такое кислое, будто она таз лимонов съела...

Приготовив всё для самоубийства, Денис решил передохнуть, потому что утомился и вспотел. Между прочим, подумал, что подошёл бы пистолет. Бац — и всё. А так геморрой сплошной. Топиться ему не хотелось — в заливе мелко, грязно. Можно бы на лодке за буйки уплыть, но одному не отвязать, да и грести тяжело. Яда под рукой никакого нет. Из медпункта ничего не стащить. Лучше всего повеситься. Вроде никто уже не помешает.

Денис надел петлю на шею и подумал, что теперь нужно просто спрыгнуть с ветки. Верёвка, вроде, крепкая, хоть и тонкая. Он специально у завхоза спрашивал, много ли такая верёвка может выдержать. Та сказала, что много. Верёвка импортная, добротная. Только прислали мало, потому что вечно нету денег.

Сегодня ему удалось пробраться в кладовку,

отрезать перочинным ножиком кусок. Всё получилось здорово. Даже лагерную собаку, лайку по кличке Рэм, отвезли к ветеринару. А то он мог залаять, когда Денис проползал под забором, чтобы убежать сюда, в лес.

За завтраком он ничего не стал есть, отдал порцию соседу по столу. Тот и так жирный, а всё время хочет добавки. Только никто не даёт, потому что, Алиса говорила, у котла кормится много всяких посторонних, кому в лагере питаться вообще не положено.

Денис представил свой стул, тарелки, ложку и вилку, стакан с компотом. Алиса, как всегда, разливает суп по тарелкам, потому что малыши могут всё опрокинуть. Кстати, Денис уже не раз объявлял голодовку, но Алиса никогда не пыталась кормить его силком и не жаловалась директору.

Когда ребята заметят, что его нет, и доложат вожатой, она подумает, будто опять убежал на станцию. Так и было после первой смены. В тот раз Дениса поймали у билетных касс. Но сегодня — ужритесь, не получится! Он обманет всех, а потом круто напугает.

Сидя верхом на ветке, с петлёй на шее, Денис блаженно улыбался, представляя, какой переполох поднимет его кончина. За всё время существования лагеря «Чайка» тут никто не умирал. Так-то всякое бывало — дрались до крови, с сотрясением мозга

увозили некоторых. Последнего парня — неделю назад. Ну, кое-кого на карантин в изолятор сажали, а после родители забирали их домой.

В их отряде пацан за мячиком на крышу корпуса полез, упал и сломал ребро. Девчонку из старших змея укусила, за ней «скорая» приезжала. Клещей, впившихся в кожу, вожатые выводили постным маслом. Даже к медсестре не ходили, сами всё умели делать.

Вроде бы один чувак чуть не утонул недавно. Про это вожатые говорили, когда ругали заплывающих за буйки. Но чтобы повеситься!.. Теперь и про Дениса Оленникова будут рассказывать. И родителям тоже, между прочим. Скажут: «Не оставляйте детей на три смены, если они не хотят! У нас такой случай был. Мальчик из «Чебурашки», то есть из четырнадцатого отряда, взял и повесился с горя! И мама его так плакала, так плакала!» Вот клёво получится!

Он вообразил, как вечером, в темноте, бегут по лесу люди с фонариками. Среди них старшие ребята из лагеря. Вожатые Алиса, Никита, другие тоже. И обязательно милиционер, с овчаркой на поводке. Вот, значит, бегут они по тропинке, потому что собака взяла след. Мимо кустов, по зарослям черники, по корням, по сухим шишкам. И оказываются на поляне. Луч фонаря скользит по стволам и выхватывает из мрака висящего на ветке

Дениса Оленникова...

У него аж дух захватило от восторга. Здорово все подёргаются! Особенно Мария Константиновна, которая довела его до петли. Надо было обвинить её в записке, но не получилось — блокнот кончился. Последние листы раздал пацанам на самолётики. А попросить у кого-то опасно. Вдруг следить начнут, и так уже наблюдение установили после второго побега.

Марконе объявят выговор, и Алисе тоже. Алису жалко, но ничего не поделаешь. Она тоже виновата, могла бы к Марконе его и не отправлять. Им всем лишь бы отвязаться. Вот и отвязутся! Всех их на четыре кости поставят! Когда тело в петле снимут с берёзы, побегут в бухгалтерию, где телефон. Позвонят маме в Екатеринбург. Потом она приедет, и ей скажут: «Ваш сын ушёл. Не выдержал разлуки». Тогда-то она зарыдает! Она вообще-то часто плачет — и от горя, и от радости. Станет целовать его, обнимать. Скажет: «Прости, сыночек, прости, Денисёнок, я была неправа! Не нужен мне больше Юрий Иванович, и никто не нужен!»

А он её уже никогда не простит. Будет лежать холодный, неподвижный, с рубцом на шее — как в фильме ужасов. И никогда уже не встанет. Никогда...

Денис шмыгнул носом от жалости к себе. Прогнал мысли о ненужности столь ранней

кончины. Постарался не вспоминать о земле, о червяках, которые станут его есть. На кладбище страшно, кругом кресты белеют. Тихо так, а потом вдруг начинают грачи орать. Гораздо интереснее вообразить себя в маленьком серебряном гробике. И вокруг, все в чёрном, — мама, баба Света, Юрий Иванович. И ребята со двора на Гражданке, из школы.

А вдруг в рекреации, когда учебный год начнётся, его портрет повесят? Вот атас! Кругом венки, свечи, музыка похоронная. Вот такая пусть будет у них свадьба! Живого человека замуровать на три смены! Наверное, баба Света тоже раскается. Скажет: «А он хороший был. Зря я его ругала...»

Денис помотал головой, из последних сил отгоняя видение. Московский двор на Пресне. Девочка в расшитых стеклярусом джинсах, с короткой стрижкой и большими карими глазами. Когда-нибудь и она узнает, и её мама. И закричит Оксана Валерьевна его матери: «Милка, ты одна во всём виновата! Ты — убийца!»

Он хотел вырасти. Собирался осенью пойти в третий класс. В шкафу на Гражданке висит школьная форма — зелёный пиджак, чёрные брюки. Учебники на письменном столе. Но всё это уже не потребуется. И те документы, которые мама перед отъездом ещё на первую смену сдала Алисе в коробочку, ей вернут. И все вещи вернут —

одежду, полотенце, расчёски. Пусть смотрит на всё и вспоминает...

Денис ещё раз оглянулся и решил — пора! Через минуту здесь уже всё будет по-другому. Вон там муравьи, как бегали по пню, так и будут бегать, а он... Денис попытался вообразить себя в потусторонней жизни, но не смог.

Перед глазами появилась почему-то подушка в только что выглаженной наволочке, букет ромашек в квадрате пододеяльника. И длинная очередь в туалет, один на мальчиков и девочек, потому что другой сломался. Очередь не исчезнет после его гибели. Потерю одного человека трудно заметить, когда все толкаются, пинаются и лезут вперёд.

Семнадцать мальчишек и шестнадцать девчонок всегда устраивали в туалете свалку. С неё начинался день в лагере, ею же он и заканчивался. И после отбоя ещё долго летал по палатам шелестящий шёпот, а в туалете звонко капала вода. Денис радовался, что ничего этого больше не увидит и не услышит — так всё надоело.

Внезапно Денис услышал голоса. Значит, за территорию лагеря выбрался не он один. Вроде, там и мальчишки, и девчонки из старших отрядов. Могут выкатиться прямо на эту поляну, и тогда уже ничего не получится. Нужно успеть, пока компания щиплет чернику невдалеке. А вдруг их уже

отправили на поиски? И не мент с собакой, а старшие ребята найдут его сейчас с петлёй на шее, а после задразнят до потери пульса. Интересно, сколько нужно провисеть, чтобы не откачали?..

Денис ещё раз посмотрел на ворон. К шести прибавилась седьмая, причём белая с розовыми лапами. Похожи, птицы всё понимали и ждали, когда душа самоубийцы покинет тело.

Он осторожно пополз по стволу вниз. Верёвка болталась рядом, цепляясь за ветки, и очень мешала. Сердце бешено колотилось, пот заливал глаза. Больше всего Денис боялся не смерти, а только того, что не успеет расстаться с опостылевшей жизнью...

Большие ребята весело похохатывали на полянке; звенели, сбиваясь на визг, девчоночьи голоса. Что-то крикнул очень знакомый мужчина. Этот развесёлый тенорок Денис много раз слышал в лагере. Но сейчас, наверное, от волнения, никак не мог его узнать.

Мальчик в последний раз взглянул в ту сторону, откуда доносились голоса. Разжал руки и ноги, которыми держался за ствол берёзы, оттолкнулся и повис над муравьиной кучей, извиваясь и хрипя. Вороны, как по команде, взмахнули крыльями и собирались уже взлететь. Но в это время ветка треснула, обломилась, и Денис рухнул прямо в муравейник.

Крона берёзы затрепетала, солнечные зайчики запрыгали по полянке. Вороны, разочарованно каркнув, взмыли в небо. Закричали какие-то другие птицы. По верхушкам деревьев промчался сухой душистый ветерок, и в следующую минуту на поляне вновь стало тихо. В мшистых канавах застыли зонтики травы, и над ними монотонно жужжали пчёлы.

И тут из-за кустов со смехом выбежали семеро загорелых подростков. Мальчишки — в полосатых, под зебру, майках — чёрно-красных и чёрно-белых, потёртых шортах и бейсболках козырьками назад. Девчонки — с алыми розами на джинсах, с широкими ремнями, украшенными разноцветными стразами. Одна, рыжая и конопатая, была в ультрамодной жилетке на шнуровке. Кое-кто из них, спасаясь от озверевшего солнца, надел тёмные очки «Маска смерти». Весёлые, измазанные в чернике, ребята не сразу сообразили, что здесь происходит. Они уставились на обломанный берёзовый сук, а потом — на лежащего в муравейнике знакомого мальчугана.

Подростки сбились в кучу и замолкли. Только одна из девчат, та самая рыжая, осмелилась приблизиться к ребёнку в красном.

Девочка склонилась над ним и закричала:

— Ой, Вован, он повесился! Иди сюда скорее, надо его к врачу! Это же Дениска из «Чебурашек»!

Алиску взгреют теперь, точно! С отряда попрут!

Тот, кого девчонка называла Вованом, появился на полянке последним. Худой черноволосый парень, одетый точно так же, как и подростки, с круглыми карими глазами и «брежневскими» бровями, завязывая на голове цветастую косынку, вышел из леса. Над его красными губами, словно вывернутыми наизнанку, проступали похожие на тёмную плесень усики.

— Что такое?! — Вован оценил обстановку быстро.

Не тратя времени понапрасну, он опустился на колени прямо в муравейник, схватил услужливо поданный бритым наголо мальчишкой золингеновский нож, выкинул лезвие. Перерезал верёвку и пощупал у Дениса пульс. На всякий случай, подёргал того за руки, но потом решил, что искусственное дыхание не потребуется.

Остальные, немного отойдя от шока, загалдели, наперебой предлагая свои варианты дальнейших действий и высказывая предположения. Девчонки сверкали розово-стеклянным блеском на обведённых красным карандашом губах и томно откидывали волосы, демонстрируя ребятам красный лак на ногтях. Но тех больше интересовал Денис, на которого они, старшие, раньше не обращали внимания.

— Вован, у него кровь из носа течёт! Он живой!

— Слушай, а вдруг он шею свернул? Слышишь, как тяжело дышит?

— А вдруг руки-ноги поломал? Колено-то, блин, разодрал до кости!

— Вован, давай я в медпункт сбегаю, медсестре скажу!

— А, может, Алиску Янину позвать? Это же из её отряда...

— А Никите надо сообщить? Нет, он как бы до вечера в город уехал...

— Тихо все! — Вован, подхватив Дениса на руки, вышел на тропинку. — Ева! — Он взглянул на рыжую девчонку. — И Стас! — Вован упёрся взором в бритого мальчишку. — Бегом в лагерь! Сразу же к Татьяне, в медпункт. Алисе обязательно надо сказать, и дальнейшее обсуждать с ней. Больше никто в лагере об этом знать не должен. Нужно сперва разобраться, ясно? Чтобы никто сейчас из вас на территории не базарил!

— Ясно! — вразнойой отозвались ребята.

Ева и Стас, то и дело оглядываясь, побежали по тропинке в лагерь. Там через десять минут кончался тихий час, вскоре после него начинался полдник, и потому вожатых нужно было искать в столовой.

Остальные четверо, толкаясь и мешая друг

другу, столпились вокруг своего кумира — ди-джея и одновременно механика с дискотеки Вована Азибаева. Давая ему советы, как лучше нести несчастного малыша, ребята казались сами себе умными и сильными, лобрыми и великодушными.

Происшествие с Денисом Оленниковым добавило остроты в их и без того рискованную прогулку. В это время они не имела права покидать лагерь и болтаться по лесу. То, что с ними был Вован, не могло спасти слушников от неприятностей. Их вполне могли отправить домой, особенно попавшихся на самоволке не в первый раз. При этом деньги за неиспользованные дни родителям не возвращали, и те превращали жизнь преждевременно возвратившихся отпрысков в кромешный ад.

Вован, в свою очередь, уже воображал, какой скандал разразится сегодня вечером на планёрке. Скрывать ужасное событие не станет никто — ни он, ни ребята, ни Алиса Янина, вожатая отряда «Чебурашка». Из-за этого происшествия сегодня нормальной дискотеки не получится; возможно, и завтра тоже. Не хватало ещё, чтобы дети в выходные всё рассказали родителям! А те, ежу понятно, накачают гору жалоб и досрочно заберут своим обормотов, да ещё потребуют возврата денег. Решат, что тут над детьми издеваются, и те вешаются, как «салаги», измученные в армии

«дедушками»...

Вован заглянул в лицо Денису и увидел, что тот уже пришёл в себя. Пацан всё осознал, потому сейчас и смотрел в недостижимое небо мокрыми от слёз глазами. Он прекрасно понимал, что своего не добился, только опозорился перед всем лагерем, и теперь уж точно не сможет тут оставаться. Всего один из «Чебурашек» прославился, да и тот не по-хорошему. Его поступок ляжет несмываемым пятном на отряд и даже, наверное, на лагерь.

Вован, дабы немного успокоить страдальца, покрепче прижал его к себе, понимающе улыбнулся, вытер носовым платком кровь с рассечённой при падении нижней губы и промокнул алые ноздри Дениса. К счастью, кровь уже перестала течь.

* * *

— Это вам не лягушки в девчоночьих палатах! И не подглядывание в душевой! Это событие принципиально иного масштаба!

Мария Константиновна Бурлакова, лагерный психолог, всегда чувствовала себя главной на планёрках, которые регулярно проходили два раза в сутки — утром и вечером. И сегодня, после вечерней линейки, дискотеки и отбоя, вожатые, воспитатели и лагерная администрация собрались в

библиотеке.

Мария Константиновна была старшей сестрой директора лагеря «Чайка» Алексея Константиновича, и он слушался психологиню, как родную маму. Ей было тридцать пять лет, ему — двадцать девять. Но Мария прекрасно помнила братишку в пелёнках и постоянно говорила о своей выдающейся роли в его воспитании.

Весь лагерь знал, что Алёшенька получил родовую травму, и после этого у него развилась жуткая болезнь — алалия. Вечно занятые родители не сразу обратили внимание на задержку речевого развития у младшего сына. Тревогу подняла Машутка, которой никак не удавалось научить Лёшу даже самым простым словам.

Но зато потом, когда страдальца потащили по врачам, Машута проявила себя с самой лучшей стороны. И только благодаря её активности Алексей научился как следует общаться и окончил школу, затем институт. А теперь, наконец, сел в директорское кресло, пусть только в загородном детском лагере.

Благодаря Марии брат перестал давиться даже жидкой манной кашкой, научился без припадков смотреть телевизор, нормально ходить на горшок и не уползать на четвереньках под стол при появлении незнакомых людей. Особенно часто Мария Константиновна упоминала тот факт, что

лично прочитала брату около пятисот сказок, а потом подробно обсудила с ним их содержание.

Так велели делать врачи, а у родителей не хватало времени. И потому Маркона искренне считала себя непревзойдённым специалистом по психологии трудных детей. Она не поленилась закончить психологический факультет Университета, хотя уже имела педагогическое образование. И всемерно помогала любимому брату Алёшеньке воспитывать подрастающее поколение честным, трудолюбивым и послушным. Правда, ей далеко не всегда удавалось добиться нужных результатов.

Нервный издёрганный блондин с шелушащейся от солнца кожей лица, Алексей Константинович Бурлаков сидел в торце стола, полностью передав бразды правления старшей сестре. Он больше всего хотел как можно скорее завершить вечернюю планёрку и уйти из осточертевшей библиотеки, приняв хоть какое-то решение.

Алёша с раннего детства привык к действенной помощи Маши, и сейчас надеялся только на неё. Такое ужасное событие, как попытка самоубийства восьмилетнего мальчика, находящегося в данный момент под его ответственностью, требовало срочных оргвыводов. Таких, которые избавили бы от неприятностей

лично директора, и не повредили его репутации, дальнейшей карьере. Не испортили имидж, не заронили в головы начальников никаких сомнений...

Ладно, что ребёнок остался жив, отделался синяками и ссадинами, не сломал ни руку, ни ногу. Но факт остаётся фактом. В лагере только об этом и говорят. А скоро — новый родительский день. И первое, чем огорошат пап и мам их оболтусы, будут рассказы о Денисе Оленникове, да ещё во всех подробностях. Обычно последствиями общения воспитанников с родителями были только рвота и понос от перекорма. А теперь, скорее всего, последуют более серьёзные неприятности...

Мария Константиновна, похоже, уже приняла решение, и потому смело смотрела на собравшихся, не испытывая никаких сомнений. Ей жутко было даже представить себе, как в подобной ситуации бедный братишка обошёлся бы без неё. Возможно, у Алёши случился бы эпилептический припадок, или снова отнялась речь. Но, к счастью, рядом была она, любящая сестра, способная найти выход из самого безнадёжного положения.

Маркона резко захлопнула окно, чтобы в библиотеке не слышали легкомысленную песенку бременских музыкантов и не отвлекались от животрепещущей темы. Но эта предосторожность всем показалась излишней. Первый в истории

лагеря, пусть и неудачный, суицид прочно завладел умами и сердцами вожатых, детей, а также прочего персонала. И говорили о Денисе во всех пятнадцати отрядах.

В библиотеке же, как только Маркона захлопнула створки окна, стало, несмотря на поздний вечер, невыносимо жарко. По лицам собравшихся заструился пот. Вожатый первого, самого старшего отряда, двухметровый тяжелоатлет Боря Артемьев за спиной Марконы протянул руку и пихнул обе рамы кулаком.

Бурлакова возвышалась над длинным исцарапанным столом в позе полководца, докладывающего своему штабу план решающего сражения. Круглолицая, с обесцвеченными вьющимися волосами и победоносной полуулыбкой на ярко-розовых блестящих губах, Маркона сильно напоминала бодливую корову. Она смотрела на собравшихся то ли загадочно, то ли презрительно, как будто одна знала некую важную тайну. Карие волоокие глаза могли бы показаться красивыми, если бы не их выражение — глуповатое и заносчивое. Портил картину и широкий курносый нос, через ноздри которого, казалось, можно было увидеть мозг великого психолога.

Фигура у Марконы была хорошая — сильная, крепкая. Покатые плечи, объёмистые бёдра и ноги с тугими икрами указывали на её крестьянское

происхождение и соответствующий оному склад ума. Не откажись Маркона от личной жизни в пользу брата, выйди она замуж, нарожай детей — и цены бы ей не было. Особенно где-нибудь в хлеву, на птичнике, на покосе с вилами и граблями Маня Бурлакова смотрелось бы превосходно.

Первоначально для планёрки готовились другие вопросы. Намеревались обсудить поведение детей, причём даже из младших отрядов. Только вот грехи у всех были разные. Один отряд каждую ночь занимался спиритизмом. Другой устроил массовую драку после дискотеки. В третьем девчонки исписывали тетрадки всевозможными пошлостями и гадостями про любовь, поцелуи и прочее. Пятнадцатый отряд проштрафился тоже — посреди ночи детишки носились по коридору, всех будили и просили скорчить смешную рожу.

Перед Марконой в качестве вещдоков лежали тетрадки, фотографии и записочки с признаниями в любви. Кроме того, здесь были отобранная у мальчиков колода карт и даже одна пачка презервативов, правда, не распечатанная. Её, похоже, похоже, забыли на дне рюкзака. Накопились и другие вопросы, требующие срочного решения.

— Вот, пожалуйста!

Маркона ткнула пальцем с длинным алым ногтем в вещдоки, будто не сама притащила их на

планёрку. На массивном перстне ярко сверкнул рубиновый кубик.

— Всякой ерундой занимаемся, а на важные проблемы внимания не обращаем. Просто руки не доходят! Спорим, можно в жару обливать детей из шланга или нет! Сердце у нас, дураков, болит... Ах, масло не едят! Зубной пастой друг друга по ночам мажут, штаны мокрыми узлами завязывают! Всякие садистские стишки находим у них, а после ночами не спим. Жестокими вырастают потомки наши! Будем откровенны — из-за старших всё время валидол пьём. А вдруг кто-нибудь беременный или больной из лагеря вернётся?! Ящерицы всякие в коробочках, поцелуйчики, самоволочки! Вчера узнала, что бывшая наша пожатая Даша Фомина собственную мать двум своим дружкам заказала, чтобы наследство получить! И с киллерами обещала из этих денег расплатиться! Между прочим, покушение удалось, и сейчас все эти юные подонки в «Крестах» сидят! А мы ей детей доверяли, помните? Как же, в православной гимназии девочка учится — самая лучшая, самая чистая... Что, удивлены? Не ожидали? Вот и я не ожидала! Но, надеюсь, о том, что у Коврижного из пятого отряда роликовые коньки украли, вы знаете? Говорили же — не привозить дорогих вещей в лагерь, так нет! Всё родителям по барабану, лишь бы своё чадо выпендрить! Золотую цепочку у

Наси Елисеевой из третьего отряда украли. Милиция приезжала, а где результаты? Хотя и насчёт драгоценностей неоднократно предупреждали. Теперь, конечно, всё померкло. «Королевские ночи», детки в белых простынях, которые в темноте по корпусам бегают... Ах, это же просто игры!

Маркона прикусила губу, словно от боли. Потом вскинула тонкие брови, выщипанные в форме идеальной полуокружности.

— Как помните, я всегда была против того, чтобы Алиса Янина оставалась вожатой в четырнадцатом отряде. Перед ней там как раз Фомина рулила — просто несчастье какое-то... Одна оказалась убийцей, а другая с малолетками справиться не может. И, в то же время, собирается быть преподавателем у куда более сложных учеников. Надо смотреть правде в глаза, Алиса!

Маркона с ядовитой вежливостью обратилась к девушке в тесных джинсах и клетчатой ковбойке, притулившейся с краю стола.

Алиса чувствовала себя сейчас почти как на скамье подсудимых и готова была выслушать любые обидные слова, какой угодно жёсткий приговор. Переступая сегодня порог библиотеки, Алиса Янина смирилась с тем, что её снимут с отряда и уже никуда не возьмут, по крайней мере, в

этом сезоне. И потому думала лишь о том, как всё это рассказать матери. Ведь от неё ничего не скроешь, потому что Маркона обязательно позвонит домой и всё выложит.

— Мария Константиновна, вы тоже с Денисом разговаривали, — напомнил Никита Юрченко, заведующий воспитательной частью, для которого происшествие в отряде «Чебурашка» стало неприятным сюрпризом. — Почему одна Алиса должна отвечать за случившееся? Между прочим, она рекомендовала Людмиле Витальевне забрать сына от нас, хотя бы после второй смены. Парень два раза пытался удрать, и все прекрасно видели, что этим дело не ограничится. Между прочим, я тоже выступал за отъезд Дениса. Но именно вы утверждали, что недопустимо идти на поводу у упрямых малолеток. Что, если ему сейчас уступить, «мелкий» почувствует себя победителем, и будет в дальнейшем вертеть старшими, как ему вздумается. Вы уверены, что ребёнок — кусок пластилина, из которого можно вылепить любую фигуру. Моё мнение другое. У Дениса уже есть характер, причём весьма непростой и достаточно твёрдый. С избытком у него и хитрости, и предприимчивости. Одними нотациями положение не исправить. Ваши призывы не мешать маминому счастью Денис воспринял своеобразно. Он захотел просто исчезнуть. Решил, что никому не нужен здесь, на

земле. Я слышал, что его отец погиб. И видел, как Денис подолгу смотрел на фотографию. Он меня не заметил, и я постарался поскорее уйти. Жаль, что не сообщил Людмиле Витальевне...

— Не надо всё на меня валить! — визгливо перебила Маркона.

Она взглянула в растерянные глаза директора и поняла, что надо его выручать. Но выручать так, чтобы никто, в том числе и этот слишком умный очкарик Юрченко, потом не обвинил её в желании любой ценой выгородить брата.

— Я не виновата в том, что Оленников — психически неуравновешенный, а, может, даже больной ребёнок. Он не любит свою мать, а это, извините, уже патология!

— Позвольте! — Лицо Юрченко пошло пятнами, как с ним всегда случалось от волнения. — Очень любит! Он решил умереть ради того, чтобы она была счастлива. Другое дело, что Денис разуверился в материнской любви. Похоже, что в семье он не находит ни тепла, ни участия. Бабушка могла бы забрать его, раз уж мать так увлеклась предстоящей свадьбой. У парня не осталось другого выхода — вот что страшно! Он не только не хочет быть здесь, в лагере — это ещё полбеды! Многие дети плачут и скучают, хотят домой. Но никто из них не вешается, потому что все знают — их рано или поздно заберут родители. Но

Денис-то, похоже, и домой не хочет. Ему нечего ждать, нечем жить. Вы — поклонница слова «заставить». Я же уповаю на слово «убедить». Нельзя заставить любить, ненавидеть, уважать, презирать. Можно только вынудить человека изображать все эти чувства. А это, простите, не одно и то же...

— Вот и убеждайте его теперь! — Бурлакова торжествующе улыбнулась. — Но для начала покажите парня психиатру. Только если он и впрямь окажется шизофреником или кем-то в таком роде, Алиса не будет отвечать за случившееся. Отвечать станут доктора, давшие справку о том, что ребёнок здоров. И в лагере с ним обращались, как со здоровым. Но я ведь рекомендовала установить за ним наблюдение после второго побега. Все это должны помнить! А где было сегодня это наблюдение?! Почему Денис сумел стащить верёвку у завхоза? А потом ещё во время тихого часа покинул палату, перелез через забор или в подкоп проник, не знаю... И никто ничего не заметил!

— Я всю первую половину дня разбиралась с жалобами на плохое питание в лагере, — робко объяснила Алиса.

Она сидела, уронив голову на руки. И беспрестанно тёрла горячий лоб, отбрасывая в сторону прядь блестящих, иссиня-чёрных волос и

покусывая нижнюю пухлую губу. Над верхней губой прилепилась бархатная пикантная родинка — знак силы духа и властного характера. Впрочем, пока этих качества Алиса не проявляла. Наоборот, девушка, имевшая по четверти испанской и грузинской крови, слыла на редкость сдержанной и покладистой.

— Мы с диетсестрой сидели очень плотно. Соня Голубцова из моего отряда пожаловалась родителям, что её плохо кормят. Те привезли в воскресенье целую сумку провизии, запрещённой для хранения в лагере. Там паштеты были, творог, колбаса, даже пирожные. Кроме того, оказалось, что Сонечке нужны чипсы и мюсли. Вот мы и убеждали Голубцовых в том, что девочка совершенно не голодает, а просто на свежем воздухе имеет повышенный аппетит. И что все эти лимонады химических цветов для неё даже вредны. Во время обеда я продемонстрировала им меню...

— Вот-вот, и всё в «Чебурашке»! — Маркона обречённо рассмеялась. — Уж, кажется, восьмилетки — какие с ними проблемы? Так нет же! Постоянно идут сигналы в областную лагерную спецкомиссию! В конце концов, вмешивается заместитель губернатора. И можно представить себе, что чувствует при этом директор лагеря! Ведь его работу на комиссии будут разбирать уже в третий раз! Сначала терзают пожарные и

санэпидстанция, потом является следователь прокуратуры. Старшие дети обчистили киоск на заправке! Теперь выясняется, что малышей плохо кормят, а один из них даже пытался покончить жизнь самоубийством. И попробуй, докажи комиссии, что поступок этот вызван не дурным обращением в лагере, не голодом, не издевательствами со стороны более старших детей и персонала, а болезненным эгоизмом, желанием любой ценой получить всё и сразу. Мы не имеем права приказать Людмиле Витальевне забрать сына из лагеря, если она не желает этого делать. Конечно, и она виновата — избаловала отпрыска до крайности! Но мать ведь оплатила его пребывание! Вы что, предлагаете расписаться в собственном бессилии? Чтобы родители других детей утратили веру в наши возможности? Родители должны быть спокойны, отправляя молодняк в лагерь. Оплачивая путёвки, они оказывают доверие именно нам с вами. Демонстрируют, что мы им необходимы. Они нас кормят, в конце концов! Многие надеются на благотворное влияние коллектива — и детского, и педагогического. А мы, получается, не можем справиться с одним малолеткой, найти к нему подход. Если он, конечно, здоров...

— Лучше всего будет признать его психически больным. И для Алисы, и для всех остальных. Алиса должна помогать маме, у неё

бабушка в больнице, и ей ни к чему иметь нарекания. И у Алексея Константиновича не возникнет проблем с проверяющими, — подала голос из угла элегантная блондинка.

Она только что спрятала в сумочку из мягкой кожи мобильный телефон дорогой модели и присоединилась к дискуссии. Так вольно вести себя на планёрках могла только любимица Марконы Люция Бражникова, вожатая пятнадцатого, самого младшего отряда, который назывался «Мурзилка».

Несмотря на свою достаточно скандальную репутацию, вольное поведение и неоднократные громкие разбирательства в лагерной комиссии, Люция пользовалась расположением Бурлаковой. В лагере, с лёгкой руки Алисы Яниной, Бражникову прозвали «Санта Лючия» — именно потому, что к ней не приставала никакая грязь. Маркона благополучно забывала о случаях распития спиртных напитков в вожатской комнате, курения в компании подростков на дискотеках и на пляже. Ходили слухи о том, что Люция совсем не прочь обучить любовным премудростям старших мальчиков.

Но Маркона затыкала рот всякому сомневающемуся в отличных деловых и нравственных качествах вожатой Бражниковой. Люция умела легко улаживать конфликты, виноватых делать правыми, а правых —

виноватыми. Даже собственные неблагоприятные поступки Люция преподносила как ошибки цветущей юности, за которые красивую девушку грех наказывать. Не только вожатые-Омужчины, но и подростки запросто называли Люцию кисулей, лапочкой и ангелочком, и она ничуть этого не стеснялась.

Она охотно демонстрировала на пляже самые откровенные бикини, а в лагере — нижнее бельё из лучших питерских бутиков. Алису, которая одевалась в основном на развале у станции метро «Удельная» и в секунд-хэндах, Люция снисходительно презирала, но при случае всегда вступалась за неимущую бедняжку. Да, конечно, ни Алиса, ни кто-либо другой из здешних вожатых не умели мастерски готовить коктейли для летней вечеринки, которые обожала Маркона, но по условиям договора от них этого и не требовали. Какой-нибудь «Мороз в джунглях» или «Тропический дайрики» помогали разрулить любую сложную ситуацию, и проверяющий всегда уезжал из «Чайки» довольный.

Ласковая, услужливая, обходительная Люция пользовалась успехом не только у тоскующих по мамам первоклашек, но и у тинэйджеров, жаждущих поделиться самым сокровенным. В отличие от суховатой, академичной Алисы Яниной, Люция Бражникова плясала на дискотеках,

шептала с девчонками о первых поцелуях, а мальчишек учила обращаться с подружками. «Болела» на матчах за футболистов и бегунов, сама великолепно плавала и прыгала с вышки в воду. Могла порекомендовать лучший крем от солнца, посоветовать фасон сумочки или узор на джинсах, придумать эксклюзивный макияж и рассказать о своих путешествиях по экзотическим странам.

Кроме того, Люция придумывала бесчисленные вопросы для викторин, сочиняла смешные стишки и пела на концертах, как настоящая поп-звезда, грациозно перемещаясь с микрофоном по сцене. Без Люции не мог обойтись в лагере никто, в том числе и Маркона, которая сейчас тепло и благодарно взглянула на свою спасительницу. Сидящий тут же Вован, который был вызван на планёрку как свидетель происшествия в лесу, плотоядно выпятил мокрые губы и осклабился. Про них с Бражниковой много судачили, но парочка давно уже научилась игнорировать мнение окружающих о себе и особенно своих близких отношений не скрывала.

— Признать человека психически больным могут только врачи, — заметил, между прочим, Никита Юрченко. — Даже если ему восемь лет.

— Ну, положим, нормальный парень вешаться не станет! — пожалала загорелыми, сильно открытыми плечами «Санта Лючия». — Про него

же всё известно. Склонен к побегам, к демонстративному поведению. Объявлял голодовки, ставил ультиматумы, неделями не общался со сверстниками и с взрослыми. Когда собирали лекарственные травы, спрашивал, какой из них можно отравиться насмерть. У него, вроде, и отца нет?

— Люди почкованием не размножаются, — ехидно заметила Алиса. — Отцы были у всех, без них никто не мог родиться. Не наше дело разбираться в семейных проблемах его родителей. Даже если они и не были женаты, и ребёнок стал результатом случайной связи, это ещё не повод называть его шизофреником. Подчёркиваю — даже если это было так! А, может, там имела место настоящая любовь. Да каждого копни — и везде неблагополучно! Например, мои родители развелись, когда мне исполнился год. Кажется, Боря Артемьев тоже одной мамой воспитывался. И вожатые, и дети часто происходят из неполных семей...

— У меня в отряде двое круглых сирот! — добродушно пробасил Боря. — Ничего, нормальные дети. Курят в меру и почти не выпивают. Короче, сдвигов нет.

— Алиска, не передёргивай! — Люция скривила персиковое личико, всем своим видом демонстрируя терпение и кротость. — Да, многие

воспитываются только мамами. Кстати, я сама была такой до семи лет. Потом появился отчим. Но я же не вешалась из-за этого! Попереживала немного, поплакала, а после приняла случившееся как данность. И ничего, жива, как видите! Отчим подарил мне свою квартиру, а сам прописался у мамы. Но Денис-то ведёт себя совершенно неадекватно. Он не просто страдает, что было бы естественно. Он считает себя сыном погибшего героя, а ведь это ещё вилами на воде писано. Наверное, мама просто так ему карточку сунула, чтобы сынуля не комплексовал. Выбрала того, кто внешне похож на Дениса, и наврала во спасение. А он поверил и счёл себя особенным. Ребёнок афиширует своё горе. Пытается шантажом, угрозами заставить мать отказаться от брака. Если он в восемь лет такой, что с ним станет дальше? Кем он вырастет? В любом случае Дениску следует показать врачу. И уже на основании диагноза делать заключение. Матери я предлагаю пока ничего не сообщать, чтобы не волновать её попусту. Пусть спокойно готовится к свадьбе. А мы попробуем в последний раз обратиться к его чести и совести. Будущий мужчина просто обязан уважать чувства дамы, особенно своей матери. Алиса, ты не желаешь, чтобы с ним ещё раз побеседовали?

— А кто будет беседовать? Ты, что ли? —

грубо ответила Янина и отвернулась к окну.

— Что за тон, Алиса?! — вспыхнула Маркона. — Люция говорит дело. И я стопроцентно с ней согласна.

— Люция всегда говорит только дело. А вы постоянно на сто процентов с ней согласны.

Алиса мрачно, тяжело смотрела из-под шелковистых, резко очерченных бровей горькими прищуренными глазами цвета крепкого кофе. Сейчас она была похожа на рассерженного юношу, и впечатление ещё более усиливал нежный пушок над её верхней губой. Алиса принципиально не пользовалась косметикой, полагая, что хороша и так.

— Люция всегда знает, ЧТО надо говорить. Но Денис из моего отряда, и общаться с ним буду я. Завтра же утром, обещаю. Ещё до того, как его покажут психиатру. А маменька его пускай покупает фату! Ребёнок лежит в изоляторе, со странгуляционной бороздой на шее! Весь в синяках и ссадинах, с кошмарными мыслями в голове! А мы думаем только о том, как избежать огласки! Как оправдаться перед специальной лагерной комиссией! Выговор важнее человеческой жизни, да? Вы что угодно можете обо мне думать, и говорить тоже, но для меня в данной ситуации важнее всего сам Денис. Если он что-то с собой сделает, уже уехав из лагеря, вы с облегчением

вздохнёте. Пронесло! Вам за него не отвечать! А я себе этого никогда не прощу, никогда! Я хочу не показатели, не отчёты спасать, а мальчишку!

— Где уж нам до тебя!

Люция мотнула объёмной причёской, похожей на сноп ярко-жёлтой блестящей соломы. Сумочка Люции хорошо смотрелась с широким, украшенным серебряной фурнитурой, ремнём. Ремень плотно охватывал осиную талию и дополнял ансамбль, состоящий из крошечных шортиков и стилизованной под тельняшку безрукавки.

— Мы — формалисты и бюрократы. Для нас человеческая жизнь — ничто. А ты-то куда раньше смотрела? Почему Денису не уделяла внимания столько, сколько нужно? Третья смена уже идёт, между прочим!

— Да, я очень виновата. Нужно было раньше подумать. Но я не знала, что он решится на крайний шаг. Что он... — Алиса не договорила, встала из-за стола и тряхнула головой. — Алексей Константинович, я пока остаюсь на отряде?

Директор растерянно кивнул и только потом заметил, насколько его любимая сестра потрясена наглостью вожатой. Судорожно усмехаясь, Маркона обмахивалась веером, сделанным из любовного письма, конфискованного в первом отряде. Но молчала, понимая, что кроме Люции

Бражниковой жёсткие меры в отношении Алисы Яниной не поддержит никто.

Девчонка оказалась не промах, применила верную тактику, нашла нужные слова. И спорить с ней именно сейчас не стоило. Гораздо более разумным казалось поручить ей разобраться с Денисом. Может, что-нибудь и получится, а там и до конца смены недалеко. Мальчишка должен прийти в себя до отъезда из лагеря, иначе могут быть неприятности с его матерью.

Та обвинит во всём именно их — вожатых, педагогов, старших товарищей Дениса. Сама распустила сына до безобразия, пылинки с него сдувала, исполняла каждое желание. А теперь вдруг неожиданно собралась замуж. И в лагере обязаны, видите ли, из избалованного мальчишки сделать мужчину! Много захотела, вертихвостка! Как-то надо передать Дениса родительнице с рук на руки и не допустить новых глупостей. Всё время следить за ним никаких сил и нервов не хватит. В лагере куча других детей, и каждый — не пряник. Значит, надо Дениса как-то уговорить успокоиться. И если Янина сама вызывается попробовать, почему не позволить?

Покачивая грузными бёдрами, Маркона подошла к двери, приоткрыла её и выглянула на крыльцо. В темноте белел медицинский халат. Увидев его, Маркона удовлетворённо кивнула.

— Танюша, заходи быстрее! Как он там?

— Ничего, спит. Я ему успокоительного вколола.

Медсестра Татьяна Ларина, внешне очень похожая на свою знаменитую тёзку, перекинула косу через плечо и вошла в пропахшую потом, табаком и дезодорантами библиотеку. Испуганно осмотревшись, она съёжилась.

— Вот, пожалуйста! — Маркона покровительственно похлопала сестричку по покатоному узкому плечу. — Танюша уверяет, что с Денисом всё в порядке. Мальчик спит. Ты считаешь, врач не нужен?

— Денису? Нет, скорее всего. Ну, невропатолог, может быть... А так никаких серьезных травм я не обнаружила. Правда, Денис ничего не ест и не хочет со мной разговаривать. Но я и не настаиваю. Ему нужно прийти в себя, а там посмотрим. Меня больше Оля Парфёнова беспокоит из четвёртого отряда. У неё, кажется, тепловой удар...

— Это уж ты сама решай, мы не медики! — Марконе не хотелось, на ночь глядя, грузить себя и брата ещё одной проблемой. — Надо будет — вызывай врача или сразу «неотложку». — Бурлакова нежно посмотрела на перепуганного брата.

Тот не чаял, как закончить планёрку,

выбраться на свежий воздух и наконец-то расслабиться. Алексей собирался сразу идти на залив и долго плавать в тёплой, как парное молоко, воде. Потом по плану было выпить ледяного пивка и закусить солёными орешками. Ну, разумеется, и поспать, сколько получится, перед новым тяжёлым днём...

У вожатых были примерно такие же желания. Одна Алиса мечтала уйти в вожатскую, где жила вдвоём с подругой Гульдар Бариевой, которая командовала тринадцатым отрядом.

— Значит, пока шума не поднимаем, — резюмировала Маркона. — Дети в таком возрасте всё забывают быстро. Володя! — Она повернулась к Азибаеву. — Я бы тебя попросила особенно не вспоминать сегодняшнее. И пускай твоя компания много не болтает. Всем вожатым отрядов принять меры к пресечению пересудов на эту тему. Ничего не было, и всё! Кончено! Алиса поговорит с мальчиком и убедит его не делать глупостей. А денька через три мы ещё раз всё обсудим. Может, не в столь широком кругу. Всё. Я закончила! — Маркона словно и не метала только что громы и молнии. — У кого-нибудь есть вопросы?

— Я тоже хочу Алисе помочь!

Гульдар, восточная красавица, смуглая с ослепительно-белыми зубами и густо подсинёнными веками, выступила вперёд. Одета

она была в красный махровый топик и такую же юбку, подпоясанную шнурком с кисточками.

— Мне кажется, не нужно обвинять Дениску. Ему и так плохо. Нужно помочь ребёнку понять всё, осознать. Получается, он сам и виноват во всём. Он — шизофреник и всё такое. Не надо его крайним делать. Да, мальчик неправ. Но если его только ругать, он лучше не станет. Почему-то он боится материнного замужества. Может, ему именно этот отчим не нравится. Или что-то ещё... Надо узнать у него. Легче всего сказать, что он сам плохой. А что мы знаем об отчине? О матери Дениса? Про его семью? Ничего! А вдруг ребёнку-то и виднее? Мы же папу-то нового не видели, а судим!

— Вот и займитесь этим оба! — устало махнула рукой Маркона.

Она тоже собиралась искупаться в заливе, но прежде всего — принять таблетку от головной боли. Затянувшаяся до полуночи планёрка утомила её, но без разбирательств и оргвыводов всё равно было не обойтись. Если начальство заинтересуется, Алёша отрапортует, что вожатые постановили ребёнка на сей раз простить, и попробовать разобраться самостоятельно. А уж если у них ничего не получится, показать Дениса детскому психиатру, в крайнем случае, невропатологу.

— Ты, Гуля, из многодетной семьи, так что

справишься. Все свободны! Танюша, у тебя перчатки нет? Или, на худой конец, цитрамона?

— Пойдёмте со мной в кабинет. Я поищу...

Таня вышла из библиотеки вместе с Марконой. Другие, шумно переговариваясь и потягиваясь, тоже двинулись к дверям. Над крыльцом горел фонарь, и вокруг него роились светящиеся мошки. Казалось, что от электрического сияния мягко серебрится воздух.

— Родителям скажем, что дети просто неправильно поняли, — говорила Маркона Люции Бражниковой — Ребёнок случайно упал с дерева...

— Надеюсь, что в изоляторе он не повесится! — весело ответила Люция. — Так что можете спать спокойно. Никаких репетиций сегодня не будет, и пьянок тоже. План мероприятий придётся обсуждать утром...

— Слышишь, как тихо? — Никита Юрченко, проходя мимо Алисы, задержался. — Из-за твоего Дениса все уgomонились раньше времени. Вижу, даже у бочки не курят! — Юрченко пожал плечами, увидев, что около наполненной протухшей водой бочки никого нет. — Значит, ещё что-то может их пронять. И это отратно!

— Поменьше бы такой отрады! — брезгливо отозвалась Алиса и посторонилась, пропуская к выходу Алексея Бурлакова. Ей хотелось прямо сейчас поговорить с Денисом, но она понимала, что

это невозможно.

— Аличе! Пойдём, искупаемся? — Гульдар осторожно взяла её под руку.

— Ты иди, а я не хочу. Посижу здесь одна.

Алиса, чувствуя, что ноги непроизвольно подгибаются, опустилась на тёплую деревянную ступеньку. Гуля хотела ещё что-то сказать, потом тихонько попятилась и скрылась в темноте, понимая, что подружке сейчас не до разговоров.

И Алиса вспоминала почему-то именно вчерашнюю вечернюю линейку, построенных в шеренгу детей. И слышала звонкий голосок отрядной активистки Лины Белан, которая рапортовала, что отряд «Чебурашка» на линейку построен не полностью. Один человек отсутствует по уважительной причине — так полагалось говорить о больных. Больным по всем понятиям считался Денис Оленников...

* * *

В этот день Алиса Янина возблагодарила судьбу за то, что ей достался отряд малолеток — с ними было не так много хлопот, как со старшими. Дети ещё не начали влюбляться и сходить с ума на этой почве. Они не обсуждали в уборных свою физиологию, не курили и не пили, не пытались при каждом удобном случае удрать в самоволку,

серьёзно не дрались и не воровали. Только вот жаловались родителям на лагерные строгости и пищали по вечерам, подставляя исцарапанные коленки под зелёнку.

Не случись история с Денисом Оленниковым, отряд «Чебурашка» можно было бы назвать образцовым. Он стабильно держал второе место после «Мурзилки» Люции Бражниковой, но это нужно было воспринимать как данность. Соперничать с Люцией в «Чайке» не мог никто. Бражниковский статус Примы не подвергали сомнению ни юноши, ни девушки, ни взрослые администраторы.

Во время утренней планёрки обсуждалась завтрашняя поездка младших в Зеленогорск на аттракционы. Во время подъёма Алиса сообщила приятную новость своим «чебурашкам». Попутно вожатая пригрозила оставить в лагере каждого, кто будет нарушать дисциплину. Дети восприняли предупреждение более чем серьёзно. Побудка, заправка кроватей, зарядка, завтрак и линейка прошли на радость споро и организованно. Никому не хотелось лишаться долгожданных развлечений в парке и похода в тамошнюю мороженицу. Свои обещания Алиса всегда выполняла, приучая к тому же самому и юных «чебурашек». Дети свою вожатую побаивались, уважали и любили.

Придумать занятия для маленьких было

просто, и Алиса освободилась быстро. Когда дети, упоенно визжа, убежали на волейбольную площадку играть в краски. Алиса взглянула на часы. До обеда ещё оставалось время, но и дел Алиса наметила немало. Она собиралась из бухгалтерии позвонить в Питер бабушке Дениса Оленникова Светлане Лазаревне. Связываться напрямую с Екатеринбургом, где сейчас находилась мать Дениса. Алиса не хотела. Слишком дорогое получалось удовольствие, и администрация запретила междугородние переговоры.

Пусть лучше Светлана Лазаревна позвонит дочери и объяснит ей, что надо всё-таки, оторвавшись от приятных предсвадебных хлопот, вспомнить о своём ребёнке. Какой спрос может быть с вожатых и воспитателей, если самые близкие люди не проявляют интереса к переживаниям и горестям этого мальчика? Он ведь не дурак, понимает, что от него хотят избавиться. Пусть на лето, но хотят. Он вдруг ощутил себя лишним.

Денис остро воспринял охлаждение матери и пытается принять радикальные меры. Вопреки уверениям Марконы, парень имеет упрямый, твёрдый, рискованный характер. И нет никакой гарантии, что он когда-нибудь не улучит момент и не удерёт с территории, не пропадёт где-нибудь по дороге из Комарова в Питер. Вечно рядом с ним

сидеть не будешь и охранника к нему не приставишь.

Отбрасывая ногами сосновые шишки, Алиса шла к медсанчасти, где до сих пор лежал Денис. Нужно было поговорить с ним перед тем, как его вернут в палату. Об этом просила и медсестра Танечка, которой требовалось срочно освободить изолятор. Двое старших мальчиков отравились курой-гриль, которую привезли в родительский день, и теперь их нужно было некоторое время продержать на койках. С Денисом же всё было в порядке, он целыми днями читал книжки и смотрел телевизор.

Медчасть размещалась в одноэтажном финском домике, под окнами которого сейчас болтались два мальчика из Алисиного отряда. Даня Бурый и Вася Белобородов. Парочка эта ничем среди сверстников не выделялась — ни умом, ни силой, ни богатыми предками, ни показной лояльностью по отношению к старшим. Мальчишки эти были просто никакие. Почувствовать себя людьми они могли лишь на фоне чужой беды. Они всегда держались вместе и искали подходящую ситуацию — драку, скандал, кражу, сплетни. В результате всегда оставались пострадавшие — деморализованные детишки, зареванные и напуганные. Они и становились добычей Дани с Васей.

Алиса особенно не удивилась, застав их под окнами санчасти, но разозлилась страшно. И впервые пожалела, что в лагере запрещено физическое воздействие на детей.

— Толстый маленький Денис на верёвочке повис! — разом заорали Даня и Вася, приподнявшись на цыпочки.

Алиса, которую маленькие негодяи ещё не заметили, увидела, как Денис отошёл от окна и скрылся в палате.

— Оба завтра в Зеленогорск не едете! — холодно сказала Алиса, выходя из-за стены и направляясь к онемевшим от ужаса мальчишкам.

— Но почему-у-у?... — заныл Бурый, моментально изменив выражение лица с глумливого на плаксивое. Вася жалобно заморгал глазами.

— Потому что вы отвратительно себя ведёте! Я предупреждала? Вы всё слышали? Два раза никогда не повторяю. Вы оба наказаны.

— А чего мы сделали? — недоумённо пробормотал Белобородов.

— Больного товарища дразните, орёте всякие глупости! Я не хочу позориться с вами с Зеленогорске. Вам было сказано: не вспоминать про то, что случилось с Денисом! Вы обещали слушаться старших. Говорили, что никаких приколов не будет. А сами...

— Мы больше не будем, — пробубнил Даня Бурый.

— Я это уже тысячу раз слышала. При мне, конечно, не будете. А тайком — обязательно. И потом — разве Денис толстый?

— Конечно, толстый! — уверенно сказал Даня. — Потому и сук сломался. Все так говорят. Спроси, кого хочешь!

— А вы не слушайте всякие гадости не повторяйте их! Хорошему бы так быстро учились!..

Алиса критически оглядывала мальчиков, стоящих перед ней. Они низко опустили головы и ковыряли затравеневшую землю носками своих кроссовок.

— Кто этот стишок сочинил? Неужели вы поэтами заделались?!

— Да нет, это большие... — неопределённо махнул рукой в сторону залива Даня.

Он всем своим видом подчёркивал, что не хочет ябедничать, да Алиса и не настаивала. Она подумала, что крепкий рослый Денис по сравнению с этими доходягами вполне может выглядеть толстым. Несмотря на то, что Даня Бурый был даже выше Оленникова ростом, из-за маленькой головки и астенического сложения здорово ему проигрывал. Даня — настоящий фитилёк, и даже загар у него сероватый. Болезненный мальчик, не мешало бы проверить его кровь и лёгкие.

А Вася — тот вовсе маленький, с синеватыми губами. И это несмотря на солнце, море, фрукты, игры на свежем воздухе. Маленькие, ничтожные людишки — видно уже сейчас. Но разве можно так думать о детях? Все они талантливы, как говорит Маркона, и каждый из них может стать гением...

— Денис не толстый, он просто плотный. Ему в «качалке» делать будет нечего. Не то, что некоторым! — Алиса ещё раз критически осмотрела юных ослушников. — Идите на площадку, к ребятам. Но в Зеленогорск всё равно не поедете. Надо хоть раз вас действительно наказать.

— Если твоё распоряжение не отменит лично Маркона! — сказал Никита Юрченко, выходя из-за угла.

Видимо, он там стоял уже давно и подслушивал воспитательную беседу, но Алиса и не собиралась ничего скрывать.

— Отменит, так я сама никуда не поеду! То я слишком мягкая, то чересчур жёсткая! Должна проявлять инициативу, но когда делаю это, получаю по рукам! За новую попытку самоубийства я отвечать не намерена. Ребёнка задразнят, и он окончательно сорвётся. А я всю жизнь волочь на себе вину не желаю. Пусть Маркона потом сама с его матерью объясняется! Расскажет, как пожалела бедных мальчиков, и они затравили её сына. Идите! — Алиса бешено взглянула на Даню с

Васей, и тех как ветром сдуло.

— Ты считаешь, что Денис может опять повеситься? — испугался Юрченко. — Парень, конечно, ненадёжный. Нервный, плаксивый, эксцентричный, да ещё находящийся в глубокой депрессии. Пока изолирован от коллектива, кое-как держится. Но архаровцы уже начали всякие гадости в окно орать. Представляю, что будет в палате, когда его выставят из изолятора!

— Вот и иду его бабке звонить! — сообщила Алиса. — Может, сжалится, заберёт внука домой? Уже август, он достаточно отдохнул на природе. А ты что-то другое предлагаешь? Если не трудно, поделись.

— Да нет. Думаю, ты права.

Никита снял очки и стал их задумчиво протирать, прислушиваясь к воплям детворы, от которых в ужасе разлетались птицы. Похлопал близорукими глазами и насадил очки на нос.

— Завтра в Зеленогорск Дениса возьмёшь?

— Не знаю. Надо его самого спросить. Вдруг не захочет?

— Да, конечно, спроси. Ты в бухгалтерию? Сейчас всё бабке скажешь?

— Разумеется. Маркона, вроде, её не извещала. Придётся мне принять на себя бурю эмоций, но это не имеет значения. Важно, что ребёнок окажется дома. В случае чего, ты меня

поддержишь?

— Нет вопросов! Как только с бабкой перетрёшь, сразу мне скажи. Будем решать на вечерней планёрке. Только ты зря без совета с Марконой ставишь бабку в курс, ну да ладно. Авось, обойдётся. Ей лишь бы братца из говна вытащить, и ради этого пойдёт на что угодно. Может, конечно, побазарить для порядка, но ты на это положи с прибором...

— Пускай базарит! — Алиса заметила, что Денис наблюдает за ними через окошко палаты, улыбнулась и спросила: — Хочешь завтра в Зеленогорск поехать? Сначала — в парк, потом — в мороженицу и в кино. От завтрака до ужина, без тихого часа!

— Нет! — Мальчик замотал головой и задёрнул белую занавеску.

— Плохо дело! — Юрченко помрачнел. — Парень в шоке. Наверное, насмешек боится. Тем более, ты говоришь, травля уже началась. А запреты в таком случае только разожгут азарт.

— А ты думал, я просто так пургу мету? Теперь сам видишь, в каком состоянии ребёнок. Только Марконе ведь ничего не докажешь. Это только её братец имеет право на слабость, а другие...

— Думаю, сегодня ей будет не до тебя. В первом отряде героин у трёх пацанов обнаружили.

Так что придётся братана и от этой напасти спасать. — Юрченко кивнул Алисе и пошёл к волейбольной площадке.

Вожатая же заторопилась в бухгалтерию, на ходу доставая из борсетки записную книжку, в которой она когда-то на всякий случай чиркнула номер телефона городской квартиры Оленниковых. Алиса мечтала только о том, чтобы у аппарата не выстроилась очередь, как довольно-таки часто случалось. Кроме того, бухгалтер Марина Владиславовна могла закапризничать и не разрешить ещё одному человеку надоедать ей в течение ещё нескольких минут.

Впрочем, Алиса рассчитывала на некоторое снисхождение — они с бухгалтером вместе пили кофе и ходили на залив купаться. Кроме того, Марину очень интересовала история Алисиного родного дедушки по матери, ребёнком вывезенного в Ленинград из пылающей Испании. При всём этом Марина, когда находилась не в духе, закатывала истерики и разгоняла даже самых близких подружек. В каком настроении бухгалтер сегодня, Алиса не знала — они ещё не успели повидаться.

Марина Владиславовна, как и все, загорелая, но зятая в голубой офисный костюм, аккуратно причёсанная и невероятно несчастная, растирала вьетнамским бальзамом виски и одновременно считала на калькуляторе. Сломанный компьютер

стоял за её спиной монитором к стене — уже две недели мастер не мог приехать в Комарово из Зеленогорска. Перед Мариной дымилась чашка кофе. Туда она, несмотря на жару, сыпала тёртый горький шоколад. По стеклу, громко жужжа, ползала оса и, видимо, именно это заставляло бухгалтера жестоко страдать.

Алиса сразу же отметила, что аппарат свободен. Мило улыбнувшись, она поздоровалась.

— Марина Владиславовна, добрый день!

Алиса старалась говорить приветливо и спокойно. Истрёпанные нервы бухгалтера не выдерживали даже малейшего напряжения. Марину, похоже, сегодня уже успели огорчить.

— Алисочка, лапулечка, здравствуй! Хочешь кофейку? — Марина полезла за чашкой в левый нижний ящик стола. — Проклятая оса, я и так боюсь! И у меня аллергия! Если ужалит — смерть! Жнудит и жнудит, совсем голова распухла! Может, хлопнешь её?

— Зачем убивать столь совершенное существо? — Алиса открыла окно и два счёта, размахивая скоросшивателем с документами, выгнала осу на улицу. — Муху — пожалуйста. Таракана — милости просим. А осу — нет. Они полезные, уничтожают моль лучше всякого нафталина. Вот, всё тихо.

— Умница моя! Спасибо! — Страдальческие

складки на ухоженном лице Марины разгладились. — За это тебе тем более полагается чашка кофе.

— Не знаю, как вы на такой жаре кофе пьёте, а я не могу. Можно в город позвонить? Только, боюсь, коротким разговор не будет.

— Говори, сколько влезет! — расщедрилась Марина. — Я выйду.

— Как хотите. — Алиса, открыв книжечку, принесла к «Панасонику» и набрала номер.

Телефон пропищал семь раз, потом слышались длинные гудки. Пропустив шесть сигналов, Алиса уже собралась дать отбой, потому что дома, похоже, у Оленниковых никого не было. Бабушка Дениса по возрасту ещё не была пенсионеркой — ей не исполнилось и пятидесяти. Когда Алиса уговаривала Людмилу Оленникову забрать сына из лагеря, речь зашла о бабушке и её нежелании сидеть с внуком.

— Да-да!

В трубке раздался очень весёлый, даже возбуждённый женский голос. В тоне говорившей сквозило густое жеманство, угадывалась наигранная любезность.

Алиса ещё никогда не разговаривала со Светланой Лазаревой, но почему-то сразу отнеслась к ней враждебно. Единственный внук едва не повесился, а бабуля играет голосом, как

молоденькая. Хочет понравиться чужим в ущерб самым близким.

— Светлана Лазаревна? — на всякий случай уточнила Алиса.

— Да. А с кем я говорю? — Женщина явно ждала другого звонка.

— Это Алиса Янина, вожатая из лагеря «Чайка», где сейчас находится ваш внук Денис. Я хочу с вами посоветоваться.

— А в чём, собственно, дело? — Тон бабушки стал совсем скучным. — Он заболел?

— Хуже. Он хотел покончить с собой. — Алиса сначала не собиралась вот так рубить с плеча, но сейчас решила бабушку не щадить.

— То есть?.. Я не понимаю! Восемилетний ребёнок кончал с собой?

— Да, он хотел повеситься. К счастью, у него это не получилось. Но мальчик в ужасном состоянии — я имею в виду настроение. После того, что произошло, ему никак нельзя оставаться в лагере. Вы понимаете, что дети — достаточно жестокий народ? Запретить им дразниться не может даже директор. Пока Денис лежит в санчасти, но завтра его выпишут. И он может повторить попытку... Кроме тоски по матери его будут травмировать напоминания об этой ужасной истории.

— Когда это случилось? — осведомилась

Светлана Лазаревна.

— Пять дней назад. — Алиса облизала пересохшие губы.

— И чего вы от меня хотите? — не могла взять в толк бабуля.

— Я хочу, чтобы вы забрали внука из лагеря и связались с его матерью!

— Мила в Екатеринбурге, а я вечером уезжаю в санаторий, в Сестрорецк. Взять Дениса не могу, говорю вам сразу. Миле позвоню, но не гарантирую, что это будет сегодня. Кроме того, дочка купила ему путёвку на третью смену. Я так понимаю, что деньги в любом случае останутся у вас?

— Неужели для вас деньги важнее жизни и здоровья внука?! — ужаснулась Алиса. — Я не знаю, как поступит наша администрация. Я не уполномочена решать вопросы финансового плана. Но в любом случае ребёнок не должен подвергаться психологическому насилию. Он пробыл у нас две смены, его неоднократно обманывали. Обещали забрать, а потом оставляли. Мальчик решил, что больше не нужен своей матери. Кроме неё и вас у него никого нет, правда ведь? К кому Денис должен обращаться за помощью?

— Девушка, сколько вам лет? — строго спросила Светлана Лазаревна.

— Через месяц будет двадцать один, —

ответила Алиса и продолжала, не давая собеседнице опомниться: — Сейчас вы скажете, что вам сорок девять! Что вы старше меня более чем в два раза, что я не имею права и так далее... Но я — официальное лицо. Я — вожатая отряда, к которому приписан ваш внук. Под мою ответственность его в день заезда вручила Людмила Витальевна вместе с документами. И я в настоящее время отвечаю за него. Поэтому и ставлю вас в известность о том, что Денису угрожает серьёзная опасность. Тем более страшно, что она — внутри него. И всегда будет с ним... А я ничего не смогу доказать ребёнку, если он так и будет сидеть в лагере, никому не нужный. Если он поймёт, что стоит меньше пяти тысяч рублей, заплаченных за путёвку!..

— Милая девушка, для меня он вообще ничего не стоит, — спокойно, буднично сообщила Светлана Лазаревна.

У Алисы больно сжалось сердце. Она поняла, что Денис был не так уж далёк от истины, когда счёл себя лишним на этом свете. Она вспомнила нежное личико, большие глаза со слезой, мокрые, стрелками, ресницы. И то, как он задёрнул занавеску на окне медпункта — словно навсегда отгородился от мира...

— Вы отвечаете за него по должности, так и отвечайте! — визгливо и настырно говорила между

тем родная бабушка ребёнка. — Сделайте всё для того, чтобы Денис ничего подобного не мог выкинуть в дальнейшем! Хоть к своему подолу привяжите! Спросят с вас, помните об этом! Никто вас не станет освобождать от ответственности. Не мне вас учить, как воспитывать детей, как организовывать их отдых и вытирать им носы...

— Вы сказали, что Денис для вас ничего не стоит, — перебила Алиса. — Для родной бабушки! Вам до него дела нет, а мы должны отвечать?! Да, формально это так. Но после, когда мальчик вернётся из лагеря? Куда он вернётся?! Неужели вам не жаль его, Светлана Лазаревна? Как-нибудь до конца смены мы продержимся. Возможно, мне действительно придётся всё время держать Дениса за руку. Но третьей сменой жизнь не кончается. К сожалению, все права перейдут к вам, и я буду бессильна!

— Я не возьму его! — закричала Светлана Лазаревна гневно и в то же время испуганно. В голосе её Алиса различила плачущие нотки. — Я только что опомнилась после гибели мужа! Этой весной он, инвалид первой группы, задохнулся в дыму. Виталий был слепой, поэтому бросил окурочек в корзину с бумагами вместо пепельницы. Квартиру только чудом не охватил пожар. Я уже давно не работаю, последние восемь лет ухаживала за мужем после аварии. С тех пор, как родился Денис, у меня

не было ни одного счастливого дня. Этот ребёнок словно принёс несчастье в нашу семью. Вы спрашиваете, жалко ли мне его? А меня кто пожалеет?! Кто?! Только дай, дай, дай! А где благодарность? Где признательность за жертвы и любовь? Когда моя дорогая доченька таскалась с моряками по гостиницам, хлопала ушами, скрывая нежелательную беременность, я была лишена права голоса. Будучи студенткой медицинского института, она не смогла решить проблему! Как вам это нравится? Она порвала со своим женихом, расстроила свадьбу, уехала в уральскую деревню рожать! Да, моя старшая сестра, покойная Наталья, очень хотела, чтобы Мила оставила этого ребёнка. Стала его крёстной, как перед тем у Милы. И делала для Дениса всё, что могла. Но в прошлом году я лишилась сестры. Два самых близких человека ушли из жизни в течение шести месяцев! Только сейчас я научилась жить без них, понимаете? Они мне по ночам снятся. А утром я просыпаюсь и сознаю, что их больше нет! Я решила хоть немного успокоиться, взяла путёвку в санаторий. Сегодня должна уехать, и уеду! У меня нет долга перед этим мальчиком! Перед ним долг у Милы, и я передам ей ваши слова. Если захочет, пусть приезжает и забирает его из лагеря. Но не я! Не я! Оставьте меня в покое! Пусть Мила живёт, как хочет. Ей всегда было наплевать на меня. Денис

— её сын, а не мой. Перед дочерью я чиста. Я дала ей столько, сколько даст далеко не каждая мать. Я угробила почти десять лет возле безнадёжного инвалида! И теперь я хочу просто жить! И я не старая, я могу ещё полюбить!

— Мне всё понятно.

Алиса не питала никаких иллюзий и раньше, но теперь окончательно решила больше бабушку не уговаривать. Правда, звонок этот не был напрасным — Людмиле всё-таки сообщат о случившемся.

— Два человека снятся ночами, поэтому надо погубить третьего. Ещё два вопроса. Можно?

Алиса ожидала, что после невольной вырвавшегося упрёка Светлана Лазаревна бросит трубку, но этого не произошло.

— Вы знаете, кто отец Дениса?

— Конечно, знаю! Он погиб в позапрошлом году, — сухо ответила Светлана Лазаревна. — Что вас ещё интересует?

— Значит, действительно погиб?.. — вырвалось у Алисы.

Она до конца не верила в ту прекрасную легенду, которая гуляла по лагерю, потому что ей собственная мать много лет назад солгала во спасение. Рассказывала о героически погибшем отце и только потом призналась, что Михаил Янин подло бросил её с крошечной дочерью. То же самое могло быть и в случае с Денисом, но, похоже, они с

Люцией ошибались. Людмила ничего не наврала — действительно. Денис хранил фотографию своего отца.

— Без сомнения. Денис видел его могилу — они с Милой ходили. Кстати, это имя я впервые услышала ещё в девяносто четвёртом, задолго до того, как оно стало известно широкой публике.

— А жених вашей дочери?.. Что он из себя представляет? Почему мальчик его так боится?

Алиса не знала, имеет она право вмешиваться в чужие дела или нет, поэтому говорила неуверенно.

— Это вдовец моей сестры Натальи. Очень богатый, влиятельный человек, бывший сотрудник спецслужб. Сейчас занимается бизнесом на Урале. Я искренне рада тому, что Юра счёл возможным взять на себя ответственность за Милу и Дениса. Не знаю, к чему все эти эмоции. Мальчишка просто дурит. Привык ходить у всех по головам. Не знаю, в кого он такой уродился. То ли в своего отца, Героя России, то ли в мою сестру. Наталью Непреклонной звали в родных краях. Столько из-за этого покушений пережила! И, в конце концов, убили её. Топором, около лифта, ужас какой... Денис, конечно, балованный и своенравный, но не нужно придавать много значения его вывертам. Даст Бог, перебесится. Извините, Алиса, у меня больше нет времени! — закончила разговор Светлана

Лазаревна, не очень-то церемонясь с вожатой.

— Это вы меня извините. Всего хорошего. Счастливо отдохнуть!

Алиса положила трубку «Панасоника» и вытерла рукавом ковбойки мокрый горячий лоб. Потом накрутила на палец цепочкой с медальоном-Русалкой, задумалась. Алисе казалось, что за эти полчаса она прожила ещё одну жизнь, стала другой, более взрослой и мудрой. Теперь она знала о Денисе больше, чем даже после беседы с его матерью. При этом вожатая совершенно не представляла, что ей делать дальше.

Марина Владиславовна стояла в дверях и смотрела на поникшую Алису. А та, словно забыв, что находится в чужом кабинете, не шевелилась и тупо смотрела на телефон. Многие вожатые имели мобильники и потому не пользовались добротой бухгалтера. Но Алиса в любом случае должна была сейчас поблагодарить и откланяться. В очередной раз, между прочим, она подумала, что мобильник ей пока не по карману...

Что же предпринять? Раз жених такой крутой и выгодный, Людмила с ним не расстанется. Но и Дениса сломать через колено не получится. Он может отколоть такой жуткий номер, что после этого сама жить не захочешь. Бабушка любит и жалеет только себя. Отца у ребёнка, получается, действительно нет. Ладно, пусть приедет мать,

тогда и решатся многие вопросы. Не может же она начисто позабыть о сыне!

— Спасибо вам, Марина Владиславовна! — Алиса поднялась со стула и, шатаясь, вышла на крылечко.

Кажется, Марина что-то говорила ей, но Алиса не отвечала, даже не понимала смысла слов. Она думала только об Оленникове и совершенно отрешилась от своих обязанностей по отношению к другим детям, которых должна была завтра везти в Зеленогорск, а через полчаса — сажать в столовой за обед. Их как будто не существовало на свете, и Алиса с трудом заставила себя вернуться к реальности.

А лагерь «Чайка» жил обычной жизнью. На кухне поварихи обсуждали виды на урожай яблок и рецепты варенья. Из распахнутых окон пищеблока тянуло наваристым борщом. На второе, как выяснила Алиса, готовились паровые тефтели. Кажется, на десерт обещали даже машину с сахаром, ну а для начала — салат из помидоров и огурцов.

После жалобы родителей Сони Голубцовой с поваров драли три шкуры, в любой момент могла нагрязнеть комиссия. Конечно, во всём винили вожатую, и поварихи дружно воротили от неё носы. Кстати, если жалобы поступали из других отрядов, такой реакции почему-то не наблюдалось. Но

Алисе было наплевать на бойкот — она думала, что всё-таки делать с Денисом.

Младшие дети играли в пятнашки, старшие — в сокс. В этом году сокс-эпидемия захлестнула все окрестные лагеря. И сама Алиса до последнего времени принимала активное участие в играх с мягким мячиком, сделанным из шерстяного носка. Его нужно было подкидывать ногами, головой и спиной, но только не руками. Мячик ни в коем случае не должен был упасть на землю. Каждый такой промах воспринимался как жуткая неприятность и вызывал бурю отрицательных эмоций.

Игру в волей-сокс через сетку ввёл новый физрук Сергей Николаевич Чаркин. И, таким образом, здорово себя разгрузил. Дети ежедневно и охотно занимались физическими упражнениями, причём делали это фанатично, упорно, самозабвенно. Подкидывая разноцветные соксы головами, пятками, коленками, они крутились и кувыркались, как настоящие акробаты. Каждая команда мечтала непременно набрать по двадцать пять очков, оторвавшись на два очка от соперников.

Свои победы юные соксеры отмечали на вечерних дискотеках. Утром им приходилось давать объяснения в кабинете директора и слёзно просить прощения у Марконы. Вечером всё повторялось, и всеобщий любимец Чаркин обещал и в следующий

раз умилоствить Маркону. Объяснить ей, что дети имеют право развлекаться так, как хотят, а не как положено по инструкции.

— Алис! — Вован Азибаев окликнул вожатую, когда та понуро брела к столовой. — Погоди, разговор есть. Насчёт твоего висельника...

— Выбирай выражения! — Алиса снова стала жёсткой и колючей. — Хоть ты-то не уподобляйся этим лоботрясам. Хочет, чтобы Денис повторил попытку?

— Да нет. На фиг было тогда его из петли доставать! — Вован, как всегда, был в «косынке федерала», фирменной майке, клетчатых шортах, похожих на семейные трусы, и с сумкой ди-джея на кривом плече. — Вот, Сергей Николаевич идёт. Он тебе всё скажет.

— Добрый день, Алисочка!

Круглолицый физрук сиял розовой свежей кожей. Он-то уж точно успел побриться, принять душ и оросить себя спреем. В снежно-белом спортивном костюме с жёлтыми и красными полосами и в облегчённых сетчатых кроссовках Чаркин выглядел молодцом. Кажется, в него влюбился весь лагерь, даже Маркона, хотя и скрывала это от самой себя.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич!

Алиса подумала, что может опоздать на обед, и Гульке придётся раздавать тарелочки с салатиком

ещё и её отряду.

— Может, после поговорим? Мне детей кормить...

— Мы тоже идём кушать, — успокоил физрук. — А времени много я у вас не отниму. Просто хочу попробовать расшевелить вашего сложного мальчика. В сок ему рановато играть, — физрук мотнул головой в сторону волейбольной площадки, где вожатые орали на своих подопечных, заставляя их бросить вязаные мячики и идти принимать пищу. — Но мы что-нибудь для него придумаем, проведём реабилитацию. Я готов бесплатно разработать индивидуальный комплекс упражнений. С мальчиком после перенесённого стресса необходимо грамотно позаниматься. Дениса требуется чем-то увлечь, занять интересным делом, чтобы ему расхотелось досрочно покидать лагерь. Прямо душа болит — хорошенький, здоровенький! Люция говорит — плавает прекрасно, даже учить не потребовалось. Прямо картинка! И вдруг такая неприятность...

— Его уже дразнят, — призналась Алиса. — А как с этим бороться, не знаю. Бабушка отказывается забирать Дениса домой. А до тех пор, пока приедет его мать, всякое может случиться. С Марией Константиновной у мальчика полная несовместимость. Лично я за дурацкие стишки двоих своих пацанов отругала, и решила в

Зеленогорск их не брать. Но, боюсь, это не выход. Остальные могут Дениса возненавидеть...

— Вполне возможно, — согласился Чаркин. — Так поступать, Алисочка, непедагогично. Сделаем по-другому. Мы с Володей, — физрук скосил глаза на ди-джея, — у ребят в авторитете. Если скажем старшим несколько веских слов, они и сами забудут про ту историю, и младшим запретят говорить. Любая попытка дразнить Дениса будет восприниматься как западло, а не как смелость или проявление чувства юмора. Ведь вы знаете, что дети слушаются только тех, кого действительно уважают?

— Да, конечно, — согласилась Алиса. — Иначе с ними не сладить.

— Тогда так и поступим. Сегодня же поговорю с ребятами, и Володя мне поможет. А вы, Алисочка, подготовьте Дениса. Скажите, что ни дразнить, ни ругать его больше не станут. Что все здесь его любят и желают только добра. Мы ведь не одной физкультурой занимаемся. Мальчишку многому можно научить. Фотографии, например, или видеосъёмке. Есть такие способные дети, что в восемь лет овладевают технологией на должном уровне. Или к чему его там потянет, посмотрим. Денис растёт без отца, и мужской руки ему не хватает. Если ребята в отряде узнают, что он запросто общается со старшими, то изменят

отношение к нему. Наоборот, уважают, захотят сами войти в избранный круг. Толково?

— Толково! — с готовностью подтвердил Вован.

— Думаю, смысл в этом есть, — немного подумав, согласилась Алиса. — Смысл есть во всём, что поможет отвлечь Дениса от суицида. Буду вам очень благодарна, если вы поговорите с ребятами. Хоть бы насмешки прекратились! Тогда я — ваша должница на всю жизнь...

— Ну, ты сказала — на всю жизнь! — заржал Вован. — Вся жизнь длинная. Тыщу раз свои долги забудешь!

— Я свои долги не забываю, — отрезала Алиса.

Она одновременно испытывала и облегчение, и какую-то странную тревогу, которой никак не могла найти объяснение.

А вдруг у мужчин действительно что-то получится? Вероятно, Денису не хватает именно таких контактов. Увлечётся он чем-нибудь, загорится и досидит смену спокойно? Ясно только то, что нотации на ребёнка не действуют, и нужно в любом случае искать новый подход.

Неприменно следует всем вместе подумать, как отметить день его рождения. Так, чтобы парень позабыл о своих комплексах и страхах. Он должен поверить в то, что нужен и интересен всем. Чаркин

прав. Пусть, когда вернётся к маме, бабушке и отчиму, добром вспоминает лагерь «Чайка». И эти воспоминания должны помочь Денису жить дальше. Впереди у мальчишки ещё много горестей и тревог, которые проще будет пережить, зарядившись горячей энергией любви, дружбы и заботы.

— Зажрались совсем! — сплюнула сзади Полина Фёдоровна.

Алиса вздрогнула и обернулась. Толстая и сердитая женщина-завхоз высунулась из дверей склада, вытирая косынкой красное лицо. Она давно уже вышла на пенсию, но каждый год ездила в «Чайку», прихватывая троих внуков. Один из них, Ваня Сусликов, числился в Алисином отряде и слыл тихим, послушным, даже пугливым мальчиком. Двое старших братьев Вани нарушали дисциплину наравне с остальными.

Кончив обсуждать с вахтёршей Зинаидой всевозможные способы уничтожения кротов в огороде, Полина Фёдоровна остановилась на отлове с помощью специальных приспособлений. Она всю жизнь мечтала о кротовой шубе, и вот недавно нашла скорняка. Теперь предполагалось раздобыть двести пятьдесят кротовых шкурок. Алису такие разговоры всегда приводили в ужас, и она недолго любила завхоза.

— Выпороть его хорошенько надо было, да на

денёк в чулан запереть! Как нас отцы-матери воспитывали, так и теперь надо. Дети-то другими не стали, только силу уважают и ремня боятся. Раньше-то вот ещё октябрята-пионеры были. Раскатали бы по той линии, как следует — и порядок! Вся дурь из головы в момент бы вылетела! А теперь никакого авторитета. Зализали своих паршивцев, йогуртами закормили, бананами и зефиром! Тьфу!

Полина Фёдоровна кипятилась главным образом потому, что пять дней назад не доглядела за верёвкой и едва не лишилась места в лагере, которым очень дорожила.

— Всю неделю только и разговоров, что об этом Денисе! Как барин в изоляторе живёт, целыми днями телик гоняет. Вот мы, помню, сразу после войны ездили в лагерь, — продолжала Полина Фёдоровна, плотнее запахивая синий халат вокруг необъятного торса. — Майка, трусы и панамка, почти всё время босиком. Разве так одевались, как нынче? Самое святое — пионерский галстук! Кормили так, что каждую ночь «Марш голодающих» на зубариках щелкали. Для нас поход в столовую самым большим счастьем был, а эти то суп не жрут, то масло! И всё времена тяжёлые! Мы только маршировали и песни про Сталина пели. А этим — и экскурсии, и игры всякие, и дискотеки. Цыплята жареные в передачах, апельсины, даже

лапша «Доширак»!

— Полина Фёдоровна, время не остановить, — мягко заметила Алиса.

— Не остановить, как же! — Завхоз упёрлась кулаками в бока, и на руках её вздулись жилы. — Вот, вижу, грызёт тебя дума горькая... Йогурт им не персиковый подавай, а смородиновый, видите ли! Мы только и знали, что бабушкину простоквашу, в которой мухи плавали. Вынимаешь муху и ешь, не пропадать же добру! Я в лагере триста мух за один день поймала однажды. И до сих пор могу — с закрытыми глазами, наощупь. В баню нас водили не с гелями-шампунями, а с крохотным кубиком хозяйственного мыла. И два ковшика горячей воды — один на голову, второй на тело. Немудрено, что девчонки все вшивые вернулись. — Полина Фёдоровна фыркнула, сверкнув золотыми зубами. — Ну, чего стоишь? Иди, строй отряд на кормёжку. Денису в изолятор отнесу, как всегда. Гляжу на него, руки чешутся, а шлёпнуть нельзя. Распустили клопов своих!

Полина Фёдоровна ещё раз сплюнула в пыльную траву у крылечка, шмыгнула носом и широкими шагами направилась к пищеблоку. А Алиса вдруг вспомнила, что уже два дня не звонила домой, а сейчас и вовсе про это позабыла. Ей предстояло накормить свой отряд, пообедать самой и угомонить малышей на тихий час.

Пока они будут спать, вожатая должна нарисовать карикатуру на девочек, которые боятся лягушек, и отнести её редактору стенгазеты. Радовало только то, что теперь она в своих заботах о Денисе не одинока — к делу перевоспитания подключились самые авторитетные в лагере личности. И это вселяло некоторую надежду...

* * *

— Ну, Алисочка, ну, миленькая, поймай бабочку, а то я её боюсь! — визжала, накрывшись с головой одеялом, самая маленькая и робкая в отряде Лерочка Логинова. — Вдруг она ночью будет пить?

— Что ты ерунду говоришь? Ночная бабочка залетела на свет, вот и всё. Сейчас я её поймаю.

Алиса, которой только что пришлось рассказывать мальчикам традиционный вечерний анекдот, запыхавшаяся и возбуждённая, вбежала в палату.

— Ни какую кровь она не пьёт. Насмотрелись страшилок по видику, теперь заснуть не можете!

Алиса схватила табуретку, вскочила на неё и принялась ловить шуршащую крылышками по стеклу серую большую бабочку-совку.

— А правда её называют «мёртвая голова»? — спросила, усевшись в постели, полненькая Соня

Голубцова. — Мне дедушка говорил в прошлом году на даче...

— Возможно, кто-то её так и называет. Но ничего страшного бабочка совершить не может. Комары у вас кровь пьют — вы почему-то не орёте... Вот, всё, поймала! И выпустила в форточку, видите? Улетела. Ей тоже тут у вас не нравится.

— А ты колыбельную нам споёшь? — поинтересовалась Катя Колпакова, сворачиваясь калачиком под одеялом.

Вчера было воскресенье, родительский день. Детишек помыли, подстригли, причесали, привезли им новые ночнушки и пижамки. Поменяли и бельё на кроватях, и потому палата выглядела празднично, нарядно.

— Обязательно спою! Только к ребятам ещё разок сбегаю. — Алиса вдруг вспомнила, что не видела в палате Дениса.

Он вернулся в отряд, где, как и обещали Чаркин с Вованом, ему никто не напоминал о случае в лесу. Вроде бы, Денис два раза побывал у Чаркина. Возвращался довольный, пожёвывая резинку. Но почему же сегодня, после отбоя, его нет в палате?

— А чего ты всё к мальчишкам да к мальчишкам? Они нам в волосы репьевые шарики пихают! — надула губки отрядная прима Эвелина

Белан.

Она обладала и впрямь роскошной шевелюрой, которую с трудом брала огромная массажная щётка.

— Я им сто раз про это говорила! — отмахнулась Алиса. — Может, вы сами организуетесь и дадите отпор?

— Да-а, организуйтесь! — обиделась Лина. — А потом к Марконе вызовут! Я один раз Белобородову шарик в трусы засунула на пляже, так он...

За дверью раздался топот, и в палату без стука ворвалась ватага мальчишек. Девчонки сразу, как по команде, завизжали.

— Алиса, Денис опять пропал! Его в палате нету! — сообщил Даня Бурый.

Они с Васей, получив внушение от физрука, как будто забыли про дразнилки, и теперь готовы были сдуть со своего товарища пылинки.

— Думали, он придёт, а его до сих пор не видно!

— Когда вы его встречали в последний раз? — Алиса соскочила со стула и схватила перепуганного Даньку за плечо.

— На ужине.

Бурый мелко дрожал. Все ребята из «Чебурашки» получили негласный приказ следить за Денисом и ни в коем случае не оставлять его

одного.

— Он потом к Вовану пошёл, мы и отстали...

— Но дискотеки сегодня нет. Вован говорил, что в Выборг уезжает за кассетами!

Алиса вытолкала мальчиков из девичьей палаты и сама вышла следом. Беда пришла неожиданно, и потому ударила больно, жестоко.

— А колыбельную?! — хором закричали девчонки.

— Потом! Всё потом...

Алиса понимала, что должна спешить, принимать какие-то меры. Но какие именно? До планёрки чуть меньше часа. Неужели опять будут говорить об их отряде? От Людмилы Оленниковой никаких вестей. У бабушки тоже совесть не проснулась. Алиса немного расслабилась, понадеявшись на Чаркина с Вованом. Но, выходит, зря.

Не может физрук держать у себя восьмилетку после отбоя! В любом случае Денису полагается быть в постели. Неужели опять сбежал, и на сей раз ночью?.. Надеется, что его в темноте не заметят? А вдруг ребёнок действительно психически нездоров? Если он опять смылся, Алиса первая будет настаивать на медицинском освидетельствовании. Лишь бы найти его, задержать!

Но где искать? Куда он мог направиться? Почему ему всё время удаётся беспрепятственно

покинуть территорию лагеря? Наверное, где-то есть лаз. Найти бы и заколотить, так ведь никто не покажет. Допустим, Денис выбрался на волю. Куда побежал потом? Опять к той берёзе? Или на залив, к лодкам? Решил на сей раз утопиться? А что, если уже успел?! Нет, невозможно больше так жить, надо действительно запереть его в клинику! К чёртовой матери всё, надоело, не могу каждый день париться! Никаких нервов на этого клопа не хватает...

— Мальчики, идите в палату и ложитесь! — распорядилась Алиса. — Мы разберёмся сами. Надеюсь, вы будете нормальными пацанами, и в моё отсутствие девочек обижать не станете. Спасибо, что сказали про Дениса! — И Алиса, скатившись с крыльца, опрометью кинулась в вожатскую.

Луны на небе не было, только по утрам виднелся тонкий стареющий серпик. И вечер, не в пример остальным, выдался прохладный, пасмурный. Весь день на берегу орали чайки, предвещая непогоду. Здорово, что мама вчера привезла батарейки для фонарика. Теперь можно будет и в лес наведаться, там Дениса поискать.

До планёрки она должна успеть. Одна, без чьей-либо помощи. Может, забежать к Чаркину? Вдруг он в курсе? Или Вован не уехал в Выборг? Всё-таки в первую очередь следует захватить

куртку и фонарик...

— Значит, яблоки режете на дольки! — послышался за углом голос одной из поварих, тётки Нины.

Она просвещала не кого-то, а самое Маркону, и Алиса искренне им позавидовала. Отгоняя от разгорячённого лица пищащих комаров, она минуту-другую собиралась с мыслями. И слушала журчащий голосок тётки Нины, которую здесь называли шеф-поваром. Она проживала в Солнечном, и имела там сад в двадцать соток, выращивала уйму овощей и фруктов.

— А дольки пропускаете через мясорубку. На кило яблок надо двести грамм сахарного песка. Всё перемешать и на десять-пятнадцать часов оставить...

Тётя Нина казалась Алисе человекоподобным роботом, который мог говорить только о еде — других интересов у поварихи не было. Кулинарную книгу и даже сверх того она знала назубок. Говорили, что у тётки Нины дома хранится целая наволочка всевозможных рецептов, собираемых в её семье ещё с царских времён. Например, она умела готовить земляничный суп и прочие изысканные блюда, которые пользовались популярностью даже на вершинах власти.

— Потом — на огонь, пять минут кипятим и заливаем в подготовленные банки. Много времени

не займёт, а брату понравится...

Дальше слушать Алиса не стала. Как сумасшедшая, ворвалась в вожатскую. Гульки на месте не было — наверное, опять выслушивала изливания девчонок из своего отряда «Ну, погоди!». Десяти-двенадцатилетние барышни уже начинали влюбляться и страдать. Кроме того, Гульдар обожали и более старшие, и потому каждый вечер на неё изливалась Ниагара откровений на тему романов с местными, туристами-автомобилистами и прочими заезжими гастролёрами.

А Гуля, в свою очередь, если Алиса изъявляла желание послушать, пересказывала самое интересное, не называя имён. Иногда целыми ночами Гулька вспоминала драмы и трагедии из серии «Летом я его любила, а зимой совсем забыла». Алиса, намучившись за день с малолетками, отдыхала под повествования о несчастной любви.

Но сейчас Гуля не была нужна Алисе. Начнёт задавать вопросы, советовать, соваться под руку. Увяжется, чего доброго, в лес, искать Дениса, а время очень дорого. Почему-то Алисе именно так и казалось, когда она, распахнув створки шкафа, искала засунутую куда-то куртку. Вывалила шмотки на кровать, куртку нашла, но едва не наступила на свалившуюся со стула гитару. И тут же вылетела вон, на ходу щёлкая кнопкой

фонарика.

Может, ничего ещё не случилось, и переполох подняли зря. Но всегда лучше перестраховаться. Надо всё-таки эти игры в прятки кончать. Судя по всему, Чаркин тоже не нашёл подхода к Денису, иначе зачем мальчишке приспичило переть на рожон и нарушать дисциплину? Кстати, в родительский день к Денису опять никто не приехал, но деньги на жвачку, пепси и попкорн он откуда-то взял. Неужели у Чаркина?

Выбежав за проходную, Алиса метнулась сначала в одну, потом в другую сторону; и сама понимала, что поступает глупо. Так она никогда никого не найдёт. Кричать бессмысленно — Денис всё равно не откликнется, даже если услышит. Всё-таки куда он мог направиться? На станцию, в лес, к заливу? Или куда-то ещё? Фонари в лагере только на площадках, а на аллеях и тропинках его никто не увидит. Но надо, надо искать, ибо спросят с неё!

Алиса вернулась в лагерь. Как вихрь пронеслась к домику, где жил физрук. Света в окнах не было, а когда Алиса забарабанила в дверь, никто не отозвался. Пусто и тихо было даже на танцплощадке — значит, Вован действительно уехал и ещё не вернулся. Но где же тогда Денис?!

Алисе казалось, что всё это ей снится, и нужно только ущипнуть себя за руку. Чёрное

августовское небо в россыпи звёзд, голубые фонари, слабый плеск залива. И музыка в чужой вожатской, похожая на горный обвал. Может, поставить коллег в известность и заняться поисками сообща? Нет, не надо. Лучше сперва попробовать самой.

Алиса крепко зажмурила глаза, постояла, подумала. На проходной можно не спрашивать — Дениса никто легально с территории не выпустит. Куда он может пойти — с этого и надо начинать. В город решил пробраться? Но он отлично знает, что бабушки в квартире нет, мамы — тем более.

Хочет отсидеться у кого-то из питерских друзей? Возможно. Но ночью электрички не ходят, нужно дожидаться утра. Лето, тепло, переночевать можно в траве, в лесу, под перевёрнутой лодкой. Но там — водоросли, сырой песок. К тому же могут обнаружить — ночью по пляжу носятся рокеры на мотоциклах, шляется всякая гопота. Денис, наверное, устроился в лесу, недалеко от того места, где собирался повеситься. Там они не раз гуляли всем отрядом. Если мальчика в лесу не окажется, надо поднимать общелагерную тревогу.

Алиса тряхнула волосами, включила фонарь и побежала по тропинке, освещая деревья и кусты. Несколько раз упала, ушибла колено, но всё-таки, прихрамывая, снова заторопилась вперёд. Она не кричала, не звала Дениса, только до рези в глазах

всматривалась в темноту, сердцем чувствуя, что ребёнок находится поблизости.

И не ошиблась.

Новые импортные батарейки давали мощный луч, и в свете фонаря вдруг явственно прорисовывалась маленькая фигурка под той же самой берёзой. Денис сидел, скорчившись под деревом, закутанный в оранжевую куртку с капюшоном и поджав под себя ноги. Алиса раза два в дождливые дни видела его в этой куртке. Про себя отмечала, что сшита она из материала, который используется при производстве палаток. Наверное, хорошо защищает от дождя, ветра и холода. В такой вполне можно переночевать, как в спальном мешке, а капюшон будет вместо подушки. Скорее всего, с Урала привезли, здесь таких нет. Эксклюзивный экземпляр, сшитый по мерке Дениса.

Когда поляна внезапно осветилась так, что стала видна каждая травинка, а особенно отчётливо — поломанная ветка берёзы, Денис вздрогнул и обернулся, закрывая глаза ладошкой. Алиса тут же выключила фонарь, кинулась к мальчику. Схватила его за плечи, прижала к себе, не думая ни о наказании, ни о планёрке, ни об оставленных в палатах детях. Ни о чем, кроме того, что Денис никуда не сбежал, ничего с собой не сделал, что он жив и здоров, а это — самое главное...

Мальчик приготовился к тому, что его сейчас заругают, возможно, даже дадут по шее. Сжался так, что чуть не пропал под своей курткой целиком. Он ожидал увидеть парней-вожатых и больших ребят, а, в худшем случае, и милиционера. Когда понял, что они с Алисой на полянке вдвоём, осмелел и улыбнулся. Улыбка получилась жалкая и вымученная, но Алиса в темноте ничего не видела.

Того, что произошло потом, Денис никак не ожидал. Алиса принялась беспорядочно целовать его, гладить по голове, заглядывать в глаза и часто встряхивать, как будто пыталась привести беглеца в чувство. Потрясённый Денис не сопротивлялся, только что-то бессвязно бормотал, жмурился и весь дрожал — всё же, несмотря на куртку, он замёрз ночью в лесу.

— Ну, что ты всё время вытворяешь? Скажи, что тебе нужно! — Алиса держала его крепко-крепко, и мысленно клялась никуда больше мальчишку не отпускать.

В Денисе всё время жила какая-то трагическая тайна. И Алиса окончательно поняла это только сейчас. Опять вспоминала разговор с его бабушкой, потом — вчерашний родительский день. Если бы не угощения, полученные от Чаркина, Денис выглядел бы забытым и брошенным.

— Что ты из меня жилы тянешь? Что хочешь доказать? Тебя опять дразнили? Скажи честно!..

— Н-нет...

Денис заикался, чего раньше с ним никогда не бывало. Даже после попытки самоубийства речь его осталась без изменений.

— Тогда что же? Подрался? Старшие обижают? Не молчи, я должна знать! Почему ты опять удрал, да ещё ночью? Снова хочешь повеситься?

— А на чём? Полина Фёдоровна от меня верёвки прячет, А брюки скрутить не получается. Я пробовал, — простодушно ответил Денис. — Но ты не бойся. Я больше убиваться не буду.

— И за это спасибо! Не врешь? — Алиса плотнее укутала Дениса в его куртку, сверху накинула ещё и свою.

Они сидели под берёзой на полянке, тесно прижавшись друг к другу. Светящееся белое дерево склонялось над ними, трепетало листочками в темноте, что оно тоже что-то говорило — утешало, ласкало. И потому казалось, что их здесь трое, — вместе с берёзой.

— Не вру. Я убежать хотел. И опять убегу!

Денис говорил тихо, но твёрдо. Так, что Алиса сразу поверила.

— Но если ничего не произошло, почему ты решил убежать? Кстати, куда именно? Бабушка в санатории, мама на Урале. Один будешь дома жить? Не думаю, что ты собрался на необитаемый

остров...

— Что я, больной? — обиделся Денис. — У друга буду жить в Питере. Я его предков знаю. Они сейчас в Турции, а его с бабкой оставили. А если она не разрешит, другие пустят. Пацанов в классе много. Я здесь всё равно не останусь, так и знай. Есть и пить ничего не буду, если меня опять в лагерь запрут. Вены себе порежу. Лучше так отпусти!

— Я не имею права отпускать тебя, Дениска. Скоро твоя мама приедет. Мы с ней договоримся, — немного приврала Алиса, лишь бы утешить Дениса. — А до тех пор ты никуда удирать не должен. Пусть всё будет по закону. Ведь тебя всё равно найдут и вернут в лагерь. Мы не имеем права отпускать тебя одного. Ты ещё маленький, понимаешь? И никак не можешь сам отсюда уехать. Не только ты — никто не может, даже из первого отряда!

— Мама опять меня оставит, — обречённо вздохнул Денис.

— Наверное, на сей раз заберёт. Только ничего больше не вздумай с собой делать. Ведь если умрёшь, то никогда больше не воскреснешь. И никому ничего не докажешь. Да, у некоторых народов принято вешаться на воротах обидчика, но не у нас. У нас враги такому исходу дела только порадуются. Никто тебя жалеть не станет. Скажут,

что ты дурак или сумасшедший.

Алиса говорила нарочито грубо, понимая, что Денис больше всего на свете боится именно этого.

— Ты не станешь героем, напротив, опозоришь себя, и всё. Давай лучше вместе искать выход из положения. Честно говоря, я надеялась, что Сергей Николаевич к тебе дорожку найдёт. Другие-то от него без ума. И ты поначалу был доволен. Два раза был у него, возвращался в нормальном настроении. Говорил, что учишься фотографировать...

— Да, сначала мне нравилось, — пробубнил Денис куда-то в сторону.

Алисе приходилось сильно напрягать слух, чтобы разбирать его слова.

— А потом? Что-нибудь произошло? Почему тебе разонравилась фотография?

Алиса представляла, что ей придётся выслушать утром от Марконы, Юрченко и прочих. К началу планёрки она, конечно, опоздала, а потом и вовсе не нужно приходить. Лучше обсудить всё утром, когда люди отдохнут. Сейчас важнее всего начистоту поговорить с Денисом.

— Да не фотография... — всё так же невнятно возразил мальчик.

— А что? Вы упражнениями какими-нибудь занимались? Ты же в сокс хотел учиться играть... Он не стал тебя учить?

— Я всякое видел у Сергея Николаевича, — немного поразмыслив, сообщил Денис. — И мальчишки большие говорили...

— Что ты видел? Я никому не передам, обещаю. Но мне ты должен сказать. Физрук тебя как-то обидел? Что там произошло?

— Он меня не обидел.

Денис, наморщив лоб, добросовестно вспоминал каждое слово, чтобы угодить Алисе. Ему хотелось поделиться увиденным и услышанным с кем-то из взрослых. Но так, чтобы те при этом не отмахивались, не говорили гадости, не смеялись над ним.

Мальчика завораживала тишина ночного леса, таинственность их сокровенной беседы, безлунное небо и звёзды. Всё, что сейчас окружало их с Алисой — маленьких и таких одиноких под огромным небом. Сомнения в том, хорошо ли он поступает, по сути дела сдавая педагога вожатой, улетучились от осознания Денисом искреннего желания Алисы помочь ему, поддержать, успокоить.

Денис уже давно не видел мать, а бабушку он не хотел видеть и сейчас. И потому Алиса Янина, черноволосая порывистая девушка, похожая больше на пацана, внезапно стала для него самым близким и родным человеком. Она — живая, нежная — дышала рядом, и Денис совсем

успокоился.

— Скажи толком, чем тебе не угодил Чаркин! Если не обижал, и фотография нравилась... Ты видел нехорошие дела какие-нибудь?

Алиса и сама не до конца понимала, чтоб подразумевает под словами «нехорошие дела», но предполагала, что это связано с Вованом и его дискотеками.

— Сергей Николаевич сказал, что я — типажный кадр! — Денис говорил шёпотом, но Алисе казалось, что он кричит. — Обещал для журнала и Интернета сфоткать...

— Что значит «типажный»? — не сообразила Алиса.

— Голубоглазый и светленький. Сказал, что «бабок» много даст. — Денис потянулся к Алисиному уху, прикрыв губы ладошкой, хотя рядом никого не было. — Каждую неделю обещал платить за съёмки...

— А за что деньги-то? — Алиса догадалась и похолодела. Ничего себе, физрук! — Дениска, сейчас же признавайся, что ты там вытворял! Ты раздевался перед ним? Тебя фотографировали в таком виде?! — Алиса чуть не плакала.

Не хватало ещё теперь встретить Чаркина на планёрке! Подойдёт, начнёт с улыбочкой спрашивать, как Денису нравятся его занятия. И в морду не дашь, потому что сама и будешь во всём

виновата. Интересно, знает ли про это Маркона? Наверное, нет. Но какая же она в таком случае дура!..

— Надо было у джипа голым сняться, в пионерском галстуке. Пацаны снимались за четыреста рублей. Он классно платит. Мне сотняру обещал за фотку без трусов. Из других отрядов уже в фильме играли...

— А ты?! — Алиса стиснула локоть Дениса так, что мальчик вскрикнул.

— А я убежал. Не хочу без трусов, я уже большой! — буркнул Денис, отворачиваясь. — Даже в бане не стал...

— И что он при тебе снимал мальчиков... так? — ужаснулась Алиса. — И вчера, в бане, тоже? Куда родители смотрели?..

— Нет, при мне не снимали. Они на пляж ходили. Сказали, что меня убьют, если проболтаюсь. Ты ничего им не говори, ладно?

Денис умоляюще смотрел на вожатую. Теперь он пожалел о своей откровенности, но было уже поздно.

— Конечно, не скажу! — Алиса и впрямь не знала, как себя вести.

Она не имела права выдать Дениса, которому ничего хорошего в таком случае не светило. Мальчишки, уже развращённые и купленные Чаркиным, не остановятся и перед «тёмненькой».

Особенно горячие головы могут и пристукнуть ребёнка потихоньку. С десяти-двенадцатилетних какой спрос? Они не подлежат даже ограниченной уголовной ответственности. Спишут на пацанву, но совершат расправу, возможно, Чаркин с Азибаевым.

Вот, значит, откуда проистекала их забота о душевном покое малютки! Вот для чего физруку потребовался симпатичный ребёнок! Гульдар рассказывала об учителях-бойлаверах, которые любили только мальчишек. Девочек в упор не видели, брезговали ими. А подростков звали играть в «Денди», поили вином, давали лёгкие наркотики. И не только лёгкие... Юрченко сообщил, что троих с героином поймали. Значит, клиентура физрука. В авторитете они с Вованом...

Откуда оба здесь взялись? Где же была бдительная моралистка Маркона? Сказать бы ей про это и посмотреть, какая будет физиономия... Нет, ни в коем случае! Чаркин выкрутится, дети ничего не подтвердят, а им с Денисом не поздоровится. Думай, думай, голова, больше думать некому! Ведь нужно возвращаться в лагерь! Странно, но Алиса не представляла себе, что бойлавер может обнаружиться в их «Чайке». Да ещё к восьмилетнему пристал, обычно их «лолиты» старше...

— Он мой портрет щёлкнул, — после

непродолжительного молчания сообщил Денис. — И на пятьдесят рублей мне жвачки, шоколадок купил. Я всё съел. — Мальчишка не знал, хорошо это или плохо. — Но я не голый был, честно! А других на камеру снимали и выкладывали в Интернет. Сергей Николаевич говорил, что я богатым буду. Когда в школу пойду, он станет за мной приезжать и увозить меня будто бы на соревнования. А на самом деле — в гостиницу. И я должен целый сериал сыграть...

При таком отношении к ребёнку, как у Оленниковых, этим и закончится. Никому, кроме педофила Чаркина, бедный Дениска не нужен. Среди таких, как он, бойлаверы и вербуют свою паству. Отца нет, матери не до него, а в тёплой компании — любовь и ласка. Да ещё деньги, пойло, вкусная еда, поездки на джипах, отели, бары, прочие прелести жизни. Сначала Денису будет стыдно, потом он себя переборет. Выбора у него, по сути, нет. Нужно к кому-то прислониться, и Чаркин охотно подставит плечо.

Людмиле надо рассказать, когда приедет, чтобы оценила ситуацию. Но получится скандал, огласка, и Чаркин всё спишет на клевету. У таких, как он, везде свои люди. Иначе не обнаглели бы до невозможности...

— Денис, а Вован там был? Ну, когда ребята голые снимались? — запинаясь, спросила Алиса. Ей

хотелось прополоскать рот и вымыть руки.

— Был. И тоже с ними что-то делал, я не понял, без трусов...

Алисе показалось, что под ней колыхается лесная, переплетённая корнями почва. Столько проблем разом свалилось, а помощи ни у кого не попросишь. Мама, если узнает, с ума сойдёт, потребует немедленно покинуть этот лагерь. Может, плюнуть на всё и забыть? Сами хотят дядькам задницы подставлять, пусть подставляют. Из её-то отряда к Чаркину никто не ходил. Кроме Дениса...

Забери его мать, проблемы сами решатся. Но надо эти несколько дней как-то прожить. Поддержать парня и не сорваться самой. Ведь придётся лицезреть эти две рожи и делать вид, что ничего про них не знаешь...

— Ненавижу взрослых! — вдруг с тихой яростью произнёс Денис и снова замолк. Его тельце под двумя куртками напряглось, окаменело.

— Почему? — удивилась Алиса. — Всех взрослых? За что?

— Они всё время ругаются и врут! А сами говорят, что надо быть добрым и правдивым, — выдавил Денис сквозь зубы.

— Неужели все только врут и ругаются? И учителя? И родители твоих друзей? — Алиса до крови закусила губу, чтобы не разреветься.

— Да. Одна Оксана Валерьевна хорошая. Она и замуж не выходит.

— Кто такая Оксана Валерьевна? — машинально спросила Алиса.

— Мама моей подруги. Они в Москве живут. У Октябрины тоже папы нет, но Оксана Валерьевна сказала, что отчима ей никогда не приведёт.

— Всё, Дениска, пойдём спать. Утро вечера мудренее.

Алиса поднесла к фонарику руку с часами. Планёрка уже началась. На ней предполагалось обсудить свежую ситуация с «комнатой смеха», в которой девчонку из старших защекотали до потери сознания. Таня Ларина еле её откачала.

— Давай так решим. До приезда мамы тебе всё равно придётся жить здесь. Будем делать вид, что ничего не произошло. К Чаркину ты дольше не пойдёшь. Скажу, что ты занят в отряде. Короче, придумаю что-нибудь. На несколько дней от него отвяжешься, а после этого тебя заберут. Но сейчас не стоит обострять отношения. И голодовку объявлять ни к чему...

Внезапно совсем рядом раздался пронзительный женский вопль и тут же умолк, как будто кричащей заткнули рот. Голос показался Алисе знакомым, но опознать его сразу не получилось. Алиса оглянулась и сжала руку Дениса.

— Тише! Слышишь? Интересно, кто здесь?

Алиса едва шевелила губами, но Денис слышал её и реагировал. Он хотел ответить, но тут затрещали ломаемые ветки, потом раздалась грязная ругань. В лесу находилась одна женщина, и с ней несколько мужчин. Почти всех их Алиса знала по голосам, но от волнения никак не могла сообразить, кто же оказался на полянке вместе с ними.

Почему-то захотелось убежать — сработал самый древний человеческий инстинкт. Алиса схватила Дениса за руку и потащила его в кусты.

— Молчи, не шевелись! Замри, понял?

— Понял!

Денис совершенно не испугался. Он воспринимал происходящее как увлекательную игру, а вот Алису била крупная дрожь.

Почему женщина кричала? И кто она? Это не местные, не какая-то чужая компания. Все свои, из «Чайки». Пьяная орава болтается по лесу, возможно, с комаровскими забулдонами, как уже не раз бывало. И с ними Люция Бражникова, как водится. Надавала авансов, а платить не желает...

На полянку вышел высокий плечистый мужчина в тёмном спортивном костюме, и Алиса тотчас же узнала физрука Чаркина. Компанию Сергею Николаевичу составили Вован Азибаев, Боря Артемьев и двое незнакомых, коротко

стриженных молодых людей в кожаных куртках и мешковатых брюках.

Увидев самых настоящих «братков», Алиса окончательно потеряла дар речи и застыла. Ей казалось, что кровь леденеет в жилах, а глаза превращаются в стекляшки. Денис сжимал её ладонь, будто хотел успокоить и подбодрить.

Ещё один бандит вытащил на полянку Люцию Бражникову и грубо швырнул её под берёзу. Даже в темноте Алиса увидела, что «Санта Лючия» вся в поту, синяках и крови. Боди на ней было разорвано, брюки из кисеи до половины спущены. Всегда чистые, красиво уложенные волосы безобразными сосульками свисали на лоб. Видимо, серьёзный разговор происходил в другом месте, а продолжить его почему-то решили здесь, на пропахшей черничным листом полянке.

Люция, тихо скуля, лежала на том самом месте, где только что сидели Алиса с Денисом.

— Ты бы проверил, нет ли здесь кого, — тихо сказал физрук Борису.

— Кому здесь быть-то? Дети спят давно. А потрахаться и в вожатской можно.

Боря всё-таки обошёл полянку по периметру, но в кусты не полез. Вован стоял над Люцией и тяжело, со свистом, дышал.

— Ну, чего уставился, лось сохатый? Трахай! — приказал Чаркин.

— Нет... Не могу. Не хочу! Я люблю её, Серый. Я всё понял, и она поняла. Мы искупим, отпашем. Она сгоряча ботала, век воли не видать! Не надо нам ничего. Я был против, ты знаешь. Я знал, что Романычу не понравится такой базар...

— Да, вам уже действительно ничего не будет надо, — прошипел Чаркин. — Законник грёбаный, Атосик сраный, давно ли в зоне парился? Кому обязан всем, что имеешь? Не Романычу ли? На кого вздумал хвост поднимать? Урод паршивый...

Чаркин говорил спокойно, даже весело, но Алиса цепенела от его голоса. Ладно, что Денис почти ничего не понимал, смотрел во все глаза, как на экран, где показывали интересное кино. Привыкший к подобным сценам в фильмах, мальчик не запаниковал и не стал задавать вопросы.

— Вован, ты ведь знаешь, что я гнилые зубы с корнем рву. Сколько раз уже... Чтобы другие, здоровые, не заражались. И потому пощады ни ей, ни тебе не будет. Хозяин не может более вам верить. Значит, не хочешь поиметь её напоследок? Может, ребят угостишь? Что такой сучке трах на круг? Только кайф словит перед смертью...

— Серый, она же баба! Дура! Захотела лишнего! Это же фуфло, не заложит она — самой же чалиться придётся. Люля в говне по уши! И семья у неё, дети. Двойникам по три года. Мы хозяину можем ещё послужить. Литерить будем

даром. Всех загасишь, Серый, где новых верняков возьмёшь? Думаешь, мы ссучились, а они чесняками останутся? У меня на товар претензий не будет. Мне моей доли не надо. Всё бери, реализуй. «Тачку» прихвати мою — в Выборге стоит, только что растаможил. Ты же знаешь — я в законе. Я за тебя на перо пошёл...

— Знаю, было. Я-то я долг тебе отдал. Романычу представил, о шлюхе твоей позаботился. Но теперь вы с ней за грехи пострадать должны. Я не подписывался на всю жизнь тебе жопу лизать, — спокойно возразил физрук. — И так слишком много расходов через вас. Грязно работаешь, Вован, а подтирать нам приходится. И прокурору дай, и «следаку», и ментам. Мне надоело терпеть убытки и слушать угрозы. Я так и так стану твоим наследником. Как мы с тобой договаривались? Ты много наобещал, а выполнил мало. А твои услуги мне уже не требуются. Таких, как ты, я много найду. А как она — тем более! — Чаркин пнул Люцию в бок. — Только, зная о вашей участи, они будут послушными. Ладно, хватит базарить. Мне на планёрку пора. — Чаркин кивнул Боре Артемьеву.

Тот наклонился над Люцией и, схватив её своими лапищами за горло, принялся душить. Алиса из кустов видела, что Борис натянул кожаные перчатки и только потом взялся за дело. Силы были неравными, и вскоре Алиса с Денисом

услышали хруст сломанных позвонков. Тут же во мраке, ещё более сгустившемся над поляной, закаркали вороны.

Алиса хотела рукой закрыть глаза Денису, чтобы он не видел происходящее, но боялась даже пошевелиться. То, что её знакомую, коллегу, с которой они ещё за ужином мило болтали о пустяках, убили, да ещё у них на глазах, да ещё по приговору милейшего преподавателя физкультуры, заставило Алису поседеть. И усугублялся кошмар тем обстоятельством, что палачом стал добродушный душа-рубаха Борька Артемьев, который, как считали в лагере, и мухи не обидел бы. Остальные незнакомцы внимательно, но невозмутимо наблюдали за происходящим. Им подобное приходилось видеть чуть ли не каждый день.

— Бери её за горло! — велел Чаркин Вовану.

Тот, сломленный и дрожащий, подчинился, надеясь покорностью умилоствить своего мучителя.

— Души! Ну! Слышишь? Сильнее! Старайся! Как будто бы ты вне себя от ярости! Как если бы она тебе изменила! Она тебя ведь подставила, Вова! Жил бы... — Чаркин глубоко, через нос, дышал. — А теперь тащи под мышки к берегу!

Полумёртвой от ужаса Алисе почудилось, что физрук просто проводит зарядку или учит детишек

премудростям игры в сокс. А, может, азартно наблюдает за сражением в пионербол.

— Ты задушил её в аффекте, а теперь хочешь спрятать труп. Куда? Да под лодочку. Смотри мне, без выпендрёжа! Ребята, подстрахуйте его! — распорядился Чаркин.

Собравшиеся вокруг него молча кивнули и пошли рядом с Вованом. А тот, пыхтя и обливаясь потом, поволок потяжелевшее тело Бражниковой к берегу Финского залива.

Когда их голоса стихли, Денис шевельнулся под локтём у Алисы.

— Слушай, а они её взаправду замочили? И Вована тоже кокнут?

— Перестань... такими словами... — Алису вырвало.

Немного отдышавшись, она, всё ещё стоящая на коленях, стала придумывать какую-нибудь правдоподобную историю, объясняющую отсутствие на планёрке. По крайней мере, опоздают и Боря с физруком. Вован в библиотеке появлялся очень редко. Значит, не одна Алиса Янина проигнорировала сие сакральное мероприятие. Наверное, ей даже не влетит от Марконы. Но уж лучше бы влетело...

А после Чаркин и Артемьев явятся, как ни в чём не бывало? И тело Люции найдут местные, когда придут утром отвязывать лодки? Похоже, и

Вована не помилуют, но это уже не Алисино дело. Самое главное сейчас — не дать повода заподозрить, что компанию Чаркина в лесу видели.

— Денис, сделаем так...

Алиса слышала клацанье собственных зубов. А рук и ног она вообще не чувствовала, будто в позвоночник сделали укол. И вдруг в нём сильно запульсировало, задёргалась кожа на спине и на голове. Волосы сами собой встали дыбом. Но Алиса должна была казаться спокойной, насколько позволяла ситуация, — ведь рядом был ребёнок.

— Я нашла тебя на станции. Запомнил? Ты хотел убежать в город. Я поймала тебя на платформе, как в тот раз. Ни в коем случае не говори никому ни про лес, ни про это... Иначе мы погибли! Понимаешь?

— Не тупой!

Денис, как и все дети, не воспринимал горе и смерть всерьёз. Его больше интересовало, как придётся врать Марконе и выгораживать Алису, за ещё хранить кошмарную тайну, за которую могут убить.

— Только не забудь, ладно? Я приведу тебя как будто со станции. Про Чаркина даже не упоминай. Марконе скажешь, что скучаешь, не можешь больше здесь быть. Ну, как раньше говорил. Станет ругать — плюнь на неё. Главное, чтобы нам с тобой поверили. А я тебя потом

выручу. Ты чуть не сел в последнюю электричку — так и говори. И не показывай, что знаешь про Люцию и Вована...

— Усёк!

Денису теперь уже хотелось вернуться в лагерь. Отступили в далёкое прошлое собственные страдания, тоска, слёзы, попытка самоубийства и насмешки приятелей. Теперь он стал не таким, как все, а особенным, посвящённым, много повидавшим. Глупости, забивавшие головёнки сверстников, остались где-то внизу, на грешной земле. А он, Денис Оленников, воспарил под облака, неизмеримо вырос в собственных глазах.

— Если собьёшься или запутаешься, всё пропало! — Алиса хотела уже выйти из кустов, но вспомнила о главном. — В лагерь приедет милиция. Так вот, тебя допрашивать нельзя без твоей мамы, без её разрешения. Но кое-какие вопросы тебе, между прочим, могут задать. Ментам тоже говори, что был на станции. С тебя спроса нет. То, что нужно, я сама им скажу. Всё усвоил, или повторить? Это наша жизнь или смерть, помни всё время!

— Да всё, всё! Без проблем! — Денис весь светился от возбуждения.

— А теперь пошли. И смотри, при Марконе или пусть даже при Никите не подмигивай мне, не делай никаких знаков. Ты ничего про Люцию не

знаешь. Мы только что вернулись со станции. Сейчас темно, и никто не может точно сказать, были мы там или нет. Веди себя спокойно. — Алиса не знала, получится ли это у неё самой. — Сейчас я уложу тебя спать, а сама всё-таки покажусь на планёрке. Доложу, что отловила тебя на платформе. Мы должны говорить одно и то же, чтобы всё выглядело правдоподобно.

— Ага!

Денис скорчил равнодушное лицо. А Алиса уже в который раз позавидовала лёгкости и непосредственности детского восприятия мира.

— Нам нужно попасть на дорогу к станции, причём незаметно. Как здорово, что нет луны!

Алиса старалась сделать голову пустой и пока не думать о пережитом. Непослушными руками она стащила с мальчика обе куртки.

— Ну, так! — Денис на четвереньках выполз из кустов.

А Алиса боялась даже взглянуть в ту сторону, где на траве, наверное, осталась кровь Люции Бражниковой. Вожатая отряда «Чебурашка» понимала, что сегодня у них с Денисом началась совершенно другая жизнь. И если ребёнок, кажется, пришёл в себя, то сама Алиса до утра, возможно, лишится рассудка...

Глава 2

«Коль боишься поцелуя, постарайся не любить. Ведь любовь без поцелуя никогда не может быть», — прочитала Алиса на обложке толстой тетради, которую неделю назад Гуля принесла в их вожатскую.

Тетрадка была наполнена наивно-откровенными описаниями сексуальных сцен между девчонками, как правило, красивыми и добрыми, и мальчиками-юношами. У тех характеры разнились — были и рыцари, и подлецы, и откровенные злодеи. Содержала тетрадка и девичьи правила любви, которые воспитанницы лагеря по мере сил старались соблюдать.

Читая от нечего делать выстраданные постулаты, Алиса с удивлением обнаружила, что сама любовью никогда не интересовалась, несмотря на страстный «испанский» характер. И уж точно не анализировала поведение парней — как Он взглянул, куда поцеловал, в каком месте сжал руку. Алиса совершенно искренне не понимала, какая во всём этом заключается прелесть. Что может привлекать в прыщавом, не имеющем мускулатуры юнце, у которого нет ни жизненного опыта, ни знаний, ни, наконец, денег и положения в обществе?

Она подозревала девчонок в конформизме, в желании просто не отстать от других. Влюбляться

обязательно нужно в двенадцать лет, в тринадцать — делать первый аборт. А после — томно курить в баре, обсуждая технику орального секса, чтобы больше не влипнуть. Все газеты и журналы были переполнены инструкциями по кувырканию в постельке; тут же помещались иллюстрации. Телек показывал то же самое. В Интернете тоже не пропихнуться. А зачем? Все всё знают. Ведь не пресёкся же до сих пор род человеческий...

Подруги в университете, коллеги-вожатые в лагере предлагали Алисе сходить к врачу и проверить гормональный фон. Крупные черты лица, порывистые движения, усики, вечные джинсы и ковбойки, неприятие изящной женской обуви и прочих милых прелестей туалета — разве так должна выглядеть современная девчонка? Её и раздеть никто никогда не захочет, разве что «голубой». Для чего ей, дурёхе, дано главное оружие, если оно до сих пор пылится в ножнах? «Ты же красавица, Кармен, должна мужиков завлекать одним своим взглядом, а сама корчишь из себя недотрогу! Так и прокукуешь в школе весь век. Увянешь, как несорванная алая роза...»

А мама радовалась, потому что не испытывала неудобств в связи с дочкиными романами, не водила её по врачам и не думала, как избавиться от будущего внука. Алиса ответственно подходила к любому шагу, и в лагерь её можно было отпустить

со спокойной душой. Над ней не нависали религиозные запреты, как над Гульдар, но их вожатская оставалась, единственная в лагере, островком тишины и чистоты.

Больше ни с одной вожатой Гуля и Алиса жить не хотели. Перспектива спать под скрип расхлябанных кроватей их не привлекала, а запретить соседкам принимать бой-френдов они не могли. Так они и жили, негласно прозванные монашками, и читали откровения в тетрадках только для развлечения.

Гуля знала, что осенью выйдет замуж по сватовству, и поэтому приехала «на отряд» в последний раз. Алиса же своей судьбы не ведала и полагалась на волю Провидения. Собиралась после окончания университета преподавать в школе, но втайне грезилась о научной работе и великом открытии. Идеалом для неё были супруги Пьер и Мари Кюри. Во всяком случае, семейную жизнь Алиса никогда не противопоставляла карьере. С мужем, который посягнул хотя бы на одну из её привычек, Алиса жить не собиралась — ведь её привычки не были дурными или вредными.

Так считала Алиса раньше, до вчерашнего позднего вечера. Теперь же, сидя перед зеркалом с дурацкой тетрадкой на коленях, глядя на свои виски, будто присыпанные мелом, Алиса думала, что никогда не найдёт в себе сил приблизиться к

мужчине. После того, что довелось увидеть из кустов, она воспринимала любые поцелуи, объятия и всё, что за ними обычно следовало, как насилие, как убийство.

Соседки и мамины сослуживицы пеняли Лолите Эрнестовне, что зря она воспитала дочку мужененавистницей. Один подлец Мишка Янин, которому была нужна ленинградская прописка, не может олицетворять собой всё мужское население. Придравшись к тому, что Лолита родила ему дочку, а не сына, он всяческими провокациями, скандалами и, наконец, откровенной изменой довёл дело до разрыва.

Но мама не воспитывала Алису в ненависти к мужчинам. Просто она не внушала дочери мысль о непременном раннем браке как о счастье, панацее от всех бед и главном смысле жизни. Не внушала, потому что сама двадцать два года назад сделала непростительную глупость. Поверила в этот вздор, пропагандируемый официально и охотно поддерживаемый кумушками с лавочек.

Олимпийским летом Лолите Суарес было двадцать семь. Она работала инженером-технологом на абразивном заводе. Была серьёзной, задумчивой, возвышенной. Несмотря на свой южный темперамент, старалась в авантюры и склоки не ввязываться. Но всё равно на яркую красавицу наседали со всех сторон, каждый день

спрашивая, скоро ли она позовёт друзей и сослуживцев на свадьбу.

Родителям было стыдно выйти во двор, потому что дочка засиделась в невестах. И они без колебаний дали согласие на прописку в трёхкомнатную квартиру командированного из Рыбинска на Лолитин завод Михаила Янина. А через два года им пришлось перебираться из просторной «сталинки», из Автово, в «хрущёвку» близ Серафимовского кладбища. Свою законную площадь Янин отсудил не торопясь, по-хозяйски. Потом умер Лолитин отец Эрнест Суарес, и Алиса с мамой и бабушкой Мананой Георгиевной остались втроём.

Сейчас бабушка в больнице, надо с ней как-нибудь забежать. Только вот когда получится такая встреча? И что ей рассказать? Бабуся ведь сразу заметит, что с внучкой случилась беда. Лишь бы седина до тех пор пропала. Неужели придётся закрашивать в двадцать-то лет?

Чтобы немного отвлечься, Алиса снова раскрыла тетрадку и принялась читать заговоры на «присуху» любимого. Когда дошла до молитвы о наслании любовной тоски: «Иди к крыльцу, к моему дворцу, к моим сеням, к моему порогу, по моим следкам. Я тебя никому не отдам. Слово, замок, язык. Аминь», её разобрал нервный смех. «Присуху» нужно было читать девять раз,

выглядывая в окно, и в начале называть имя любимого вместе со словом «раб».

Алиса уже собралась ознакомиться со способом заставить любимого каждую ночь видеть себя во сне, но в это время хлопнула разболтанная дверь вожатской.

— Аличе, тебя следователь вызывает! — Гульдар вошла в комнату и села верхом на табуретку. — Хочет с тобой поговорить. Я их себе другими представляла. Такая классная тётка! Целую очередь опросила, и всё так вежливо, ласково! Менты-то уже пару раз за пивом бегали, а она работает...

— Гуль, а что в лагере говорят? Такие все тихие ходят, понурые. Вована жалеют? — Алиса еле ворочала языком.

Подруга ведь ничего не знала. Думала, что два трупа появились на берегу залива в результате любовной ссоры. Такую версию Чаркин, судя по всему, придумал уже в лесу и сумел навязать окружающим.

— Девчонки по углам шепчутся. И в тетрадки пишут слезливые истории про Люлю и Вована, — грустно сказала Гульдар. — Так я и знала, что эти дискотеки плохо кончатся! Пьют, ширяются, всякое такое... Вот и результат. Сперва её избил, потом задушил, аж шею сломал, а потом себе в живот нож всадил. Местные утром порыбачить решили...

Первым нашли Вована, он на песочке лежал, лицом вниз. И вокруг — кровища! Кошмар! А Люлю собака отыскала, овчарка. Она с рыбаками пришла. Под перевёрнутой лодкой... Вся в рубцах, в синяках, оба глаза подбиты. Чего у Вована, совсем крышу снесло? Наширялся сверх меры? Или садо-мазо? Не знаю... И никто не знает ничего. Думали, что в Выборге, у него мать там живёт. Но Люля-то должна быть на вечерней планёрке... Аличе, а очнись же! Я понимаю, жутко всё это. Директор и Маркона в шоке. Спорят, нужно лагерный флаг приспускать или нет. Но «Мурзилки» к своему чёрную ленточку привязали. Плачут сидят. Боятся на улицу выходить. Пацаны из-за Вована постановили все дискотеки до конца сезона отменить. Портрет его поставили на крыльце, свечи зажгли. Хоть и дурацкая гибель, а на ребят действует... Аличе, ты слышишь меня? У тебя же порядок в отряде! Даже Маркона сегодня хвалила. Тебе ведь удалось Дениса с электрички снять!

— Да, в последний момент. Сама чуть под платформу не свалилась. Темно было.

Алиса смотрела в угол. Она не любила врать, но сейчас была вынуждена это делать. Даже Гулька не могла узнать правду.

— И нормально, чего ты! Не свалилась же! Сходи к следователю. Скажи, что как раз тогда на

вокзале была. И всё! Привлекать-то некого. Менты между собой говорили. Преступник мёртв, можно дело закрывать. Все эти допросы — пустая формальность.

— Хорошо, иду. Паспорт брать? — Алиса выдвинула ящик тумбочки.

— Конечно.

Гульдар спрятала в борсетку свой, старый — ей всё равно предстояло осенью сменить фамилию. Алиса выправила себе новый паспорт перед самым отъездом в лагерь.

С малиновой книжицей в руке она вышла из вожатской. Тихий пасмурный день гармонировал с траурной атмосферой «Чайки». Настоящие чайки орали в сером небе. Вот-вот должен был пойти дождь, и кусты, как положено в августе, разом потемнели.

Из-за забора, с пляжа, доносилась песня Пугачёвой «Мадам Брошкина» — там, на воле, не знали лагерных печалей. «А я такая, блин, такая, растакая, но мой поезд ушёл...» Алиса вспомнила выдуманную историю про электричку. Следователя, наверное, обманывать нельзя. Вдруг всё откроется, и она сама станет преступницей? Но как откроется, если про них с Денисом никто ничего не знает? Даже если Чаркина всё же возьмут — за убийство или за растление малолетних — он всё равно не сдаст их, потому что это невозможно.

«Я знаю, что у неё, неё, неё душа кошкина! — доносилось с пляжа.

Почему-то Алисе стало уж совсем тоскливо и горько. «А я хорошая, мадам Брошкина!» Когда Алиса слышала эту песню, сразу вспоминала маму, её взаимоотношения с отцом, старух на скамейке в Питере. Мимо них опять придётся пройти к подъезду в Новой Деревне. Жуткое место — рядом кладбище, свалка, крысы бегают, кругом гаражи и авторемонтные мастерские. По Сестрорецкой ветке грохочут поезда, и ночью мерцают блуждающие огоньки. Потому только там и удалось найти трёхкомнатную квартиру-распашонку, чтобы поселиться вчетвером, да ещё выделить двенадцать метров в коммуналке бывшему зятю Михаилу Янину...

— Алиса идёт! Привет! — загалдели ребята, собравшиеся у входа в библиотеку.

Около дверей скучали два милиционера, которые по одному пропускали вожатых и старших воспитанников к следователю. Денис, как ни в чём не бывало, болтался тут же и жевал резинку, швырял пластмассовую тарелочку. На него никто не обращал внимания — считали маленьким, для следствия бесполезным. Заметив Алису, Денис не проявил к ней никакого интереса и снова занялся тарелочкой. Они играли с ещё одним восьмилеткой, из отряда погибшей Люции Бразниковой.

На доске объявлений висели два портрета в траурных рамках. Под ними лежали цветы — и полевые, и нарванные в парке флоксы, а также георгины и гвоздики. Кто-то принёс букет душистого табака.

Знать бы наверняка, что говорить! Ведь не с подружкой на скамеечке сейчас придётся объясняться, а со следователем, и показания занесут в протокол. Ладно, Гуля говорила, что тётка неплохая, вредничать не станет. Но, может, именно такой и нужно всё рассказать? Вдруг поверит, не отмахнётся?

Интересно, говорила она уже с Чаркиным и Артемьевым? Что они ей наплели? Нет, лучше всего молчать. Кажется, её, Алису Янину, никак не связывают со случившимся, ну и ладушки. В конце концов, Вован и Люля занимались какими-то пакостями. Получается, Азибаев сидел, а его допустили к работе с детьми. Интересно, когда же он успел отмотать срок? И за что? Совсем молодой — двадцать с небольшим, кажется, и уже...

Ах, он ведь сказал «я в законе»! Наврал, наверное, потому что воры в законе такими молодыми не бывают. Это звание ещё заслужить надо. Его должны короновать, а для этого требуется не один срок отбыть. И Люля... Тоже сидела или только что начала? И если Вован развращал мальчишек, что делала Люля? Получается, её

любовные истории с подростками тоже были оплачены и засняты на видео? Может, она ещё и наркотиками торговала в лагере? Нет, не стоит вписываться в эту историю, всё равно толку не будет...

— Ваша фамилия!

Алисе загородил дорогу белобрысый парнишка в серой форме и в пилотке. На боку у него болталась резиновая дубинка, из кобуры торчала рукоятка пистолета.

Алиса, между прочим, подумала, что лучше бы не понтоваться и кобуру застегнуть. Такие отчаянные детишки есть — в момент оружие вытащат, и друг друга перестреляют. Но решила инициативу не проявлять и ментов не учить. Без неё найдутся, предупредят.

— Янина. Я — вожатая четырнадцатого отряда. Мне сказали, что нужно поговорить со следователем. Вот мой паспорт.

— Одну минуту!

Мент скрылся в библиотеке. Алиса скользнула взглядом по флагштоку и увидела, что главный флаг всё же приспустили. Эх, знали бы вы, кто такой Вован, да и Люля тоже! Не трогали бы флаг, не клали цветочки! Но всего этого никто никогда не узнает. По крайней мере, от Алисы Яниной. Она не впутается в грязную историю и не станет таскаться по судам, не подвергнет опасности

себя и Дениса.

Ей нужно сдать смену и вернуться в университет. Не хватало ещё, чтобы мама и бабушка умирали со страху, когда Алису примутся вызывать то в милицию, то в суд! Ещё и угрозы начнутся, а у бабушки и без того инсульт был. Нет, никаких проблем больше! Если Чаркин с Вованом чьих-то детей развращали, пусть родители парятся. А лично Алисе они ничего плохого не сделали, и её воспитанникам тоже. К Денису Сергей Николаевич вряд ли полезет после всего — затаится, притихнет. А там дети из лагеря разъедутся. Ещё три недели — и все заморочки позади...

— Проходите!

Парень с дубинкой галантно распахнул дверь перед Алисой. Она вошла в знакомое помещение библиотеки, как в милицейский кабинет, и сразу же оробела. Ничего, вроде, вокруг не изменилось, но, в то же время, библиотека стала совершенно другой.

За столом, где обычно сидел Алексей Константинович Бурлаков, Алиса увидела полную женщину лет пятидесяти пяти, с круглым лицом, добрым и простоватым. Гуля права, Алиса тоже никогда не подумала бы, что следователь может так выглядеть. Ни кителя, ни звёзд на погонах, ни хотя бы строгого выражения лица...

Женщина широко улыбнулась ей, как старой знакомой, и около её глаз собрались сеточкой такие

домашние, такие милые морщинки. Перед женщиной на столе стояла бутылка минеральной воды «Белая горка», а рядом — стакан. Алиса еле заметно улыбнулась — такую же воду пила мама, потому что давно страдала колитом.

— Здравствуйте! — сказала с порога Алиса и закашлялась.

— Добрый день! — Женщина отпила воды из стакана. — Присаживайтесь. Паспорт давайте мне! — Она протянула раскрытую ладонь.

Одета женщина-следователь была в белую, тщательно отглаженную блузку. А когда вышла из-за стола, Алиса увидела аккуратную юбку — серую, зауженную, далеко не новую. И поняла, что лишних денег у женщины нет.

— Сейчас всё запишем и поговорим немного. Меня зовут Алевтина Петровна Суслопарова. Я — следователь прокуратуры Курортного района. Хочу побеседовать с вами относительно Люции Германовны Бражниковой и Владимира Сибатовича Азибаева. — Женщина, более похожая на повариху или нянечку, чем на следователя, раскрыла паспорт и принялась переписывать данные. — Янина Алиса Михайловна... Родилась первого сентября восемьдесят первого года в Ленинграде... Где учитесь, Алиса?

— В Университете имени Герцена, на пятом курсе. — Алиса заметила, что Суслопарова не

удержалась и проверила семейное положение.

Вожатая присела на краешек стула — на нём она всегда коротала осточертевшие планёрки. И стала наблюдать, как Алевтина Петровна записывает данные паспорта, домашний адрес в бланк протокола. Несколько других бланков, исписанных бисерным почерком, лежали на столе. Интересно, что ей удалось узнать про Вована и Люцию? Слухи в лагере ходили один другого круче. Теперь они, получается, подтвердились. Но ведь Вован не убивал Люлю и не кончал с собой! Их обоих уничтожили по приказу Чаркина...

— Возьмите. — Суслопарова вернула Алисе паспорт. — Давно вожатой работаете? — Она выпила ещё водички.

— Третий год. — Алиса тупо смотрела на маленькую книжицу в твёрдой обложке, на которой поблёскивал золотистым контуром двуглавый орёл.

— Всё время здесь, в «Чайке»?

Алевтина Петровна отложила ручку и скрестила руки на груди. Алиса поняла, что женщина сильно устала, ей до одури надоели бесконечные допросы, которые по инструкции нужно всё-таки провести. Кроме того, похоже, она не очень-то доверяет тем, с кем беседует. И правильно делает, по крайней мере, в случае с Алисой.

Суслопарова была курносая, уютная,